

СЕВЕРО – ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 30, 2022

Владикавказ 2022

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО – ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
е – mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310 – 578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

Гаунова Л.Р. Подготовка открытия кабардино-горского реального училища имени Александра III.....	5
Ахмадова М.В., Сугаипова А.М. Столкновение либеральных ценностей с реалиями военного времени в политической истории Великобритании времен Первой мировой войны и первые послевоенные годы	13
Мисиков Х. И. Деятельность городских советов депутатов трудящихся в период Великой Отечественной войны (на материалах г. Алагир Северо-Осетинской АССР)	18
Бабаев Т.Т. О результатах проверки комиссии министерства местной промышленности Северо-Осетинской АССР в 1960 г.	25

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Туаллагова О.А., Туаллагов А.А. Народное собрание осетин	33
Макоев Б.Н. История изучения социально-потестарной структуры Кобанского общества	42

III. ФИЛОЛОГИЯ

Дигоев О.А. Жанр фронтового очерка в творчестве М.Н. Цагараева	49
Догузова З.Х. О семантической эволюции слов в современном осетинском языке	56
Плаева Л.Дз. Образ солдата в военной лирике Гриша Плиева	63
Дзарасов В.С. Ард хæрын – приносить клятву или есть её? К проблеме этимологии	69

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Корытин Г.С., Колпакова Е.Н., Рахманина А.А., Кирилов Н.В. Религиозная ситуация в Северной Осетии: на основе полевых данных.....	77
Тургиева З. Особенности формирования региональной культурной политики в постсоветской России: Северная Осетия в 1990-е – 2000-е гг.....	95
Золоева З.Т. Основные векторы государственной политики в области цифровой трансформации общества	106
V. НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	113

І. ИСТОРИЯ

**Л. Р. Гаунова,
Культурно-образовательный центр «Эрмитаж – Кавказ»
(г. Нальчик)**

ПОДГОТОВКА ОТКРЫТИЯ КАБАРДИНО-ГОРСКОГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА III

В статье рассматривается процесс подготовки открытия реального училища в слободе Нальчик. Одним из результатов образовательных реформ 1870-х гг. стало распространение по всей империи реальных училищ – средних учебных заведений с естественно-научным уклоном. Реформа охватывала и Северный Кавказ, где появление реальных училищ стало закономерным в силу хозяйственной специфики региона. Реальные училища на Северном Кавказе открывались на материальной основе существовавших горских школ. Однако открытие реального училища в слободе Нальчик сопровождалось множеством трудностей и растянулось на 29 лет. Цель данного исследования – проанализировать роль местной администрации в открытии среднего учебного заведения в слободе Нальчик, а также рассмотреть влияние кабардинского и горского общества на распространение образования в регионе.

Ключевые слова. *Нальчикский округ, образование, реальное училище, горская школа, местная администрация, приговор доверенных.*

The article discusses the process of preparing for the opening of a real school in the settlement of Nalchik. One of the results of the educational reforms of the 1870s was the spread of real schools throughout the empire – secondary educational institutions with a natural science bias. The reform also covered the North Caucasus, where the appearance of real schools became natural due to the economic specifics of the region. Real schools in the North Caucasus were opened on the material basis of existing urban schools. However, the opening of a real school in the Nalchik settlement was

accompanied by many difficulties and lasted for 29 years. The purpose of this study is to show the role of the local administration in the opening of a secondary educational institution in the settlement of Nalchik, as well as to consider the influence of Kabardian and mountain society on the spread of education in the region.

Keywords. *Nalchik district, education, real school, mountain school, local administration, Sentence of trustees*

Со второй половины XIX в. взаимодействия между горскими народами и Российской империей начинают возрастать, что отражается на культурном облике Северного Кавказа. В частности, этому способствовало повсеместное распространение светского образования и открытие правительственных школ.

Для развития образовательного процесса необходимо понимать исторический контекст политических и социальных действий России в этом регионе.

Это особенно важно, потому что подобного рода взаимодействие можно увидеть и сегодня. В 2020 г. между ректором КБГУ им. Х.М. Бербекова Б.Ю. Альтудовым и генеральным директором Государственного Эрмитажа М. Пиотровским было подписано соглашение о создании культурно-образовательного центра «Эрмитаж – Кавказ».

Разместить центр было решено в одном из старейших зданий Нальчика, которое было построено в 1913 г. для Кабардино-горского реального училища. Этот объект является памятником архитектуры федерального значения, в котором в настоящее время размещены некоторые подразделения медицинского факультета КБГУ. Более ста лет в этом здании происходили знаковые исторические события. Тем не менее история реального училища и его влияние на местные народы слабо изучены.

К середине XIX в. российская система образования не соответствовала потребностям общества и государства. Значительный рост промышленного производства вскрыл острую проблему нехватки профессионально подготовленных кадров. Но доступ к получению среднего образования получали в основном привилегированные социальные слои. В правительстве появилось понимание необходимости реформы общеобразовательной школы, в которой могли бы обучаться представители всех сословий [1, 7].

Одной из дискуссионных тем в ходе обсуждения новой реформы среднего образования стала проблема разделения гимназий на классические и реальные.

После предметного обсуждения проекта новый Устав гимназий и прогимназий был принят в 1871 г., а через год – Устав реальных училищ, который объявил гимназическим только классическое образование.

Согласно Уставам реальные училища являлись учебными заведениями среднего звена со сроком обучения в шесть лет. В зависимости от местных потребностей 5 и 6 классы реальных училищ могли состоять из двух отделений – основного и коммерческого. При основном отделении мог учреждаться еще один дополнительный класс с тремя отделениями: общим, предназначенным для подготовки учащихся к вступлению в высшие специальные училища; механико-техническим; химико-техническим [2, 5].

В 1880 г. в Кавказском учебном округе действовало 6 реальных училищ, часть из которых была преобразована из уездных, а часть открыта силами городских и профессиональных обществ [3, 49].

Впервые вопрос о преобразовании горской школы в Нальчике был поднят в 1880 г. на съезде доверенных Большой и Малой Кабарды и Горских обществ, однако на протяжении последующих десятилетий решение проблемы откладывалось.

Одна из причин этого состояла в том, что Нальчикская школа изначально не была приспособлена для развития. Как отмечалось в обращении Строительного комитета к начальству Терского областного управления: «Преобразование школы может совершиться тогда, когда здания будут приспособлены с удобствами во всех отношениях для помещения Реального училища с пансионом, с отводом в тех или иных зданиях, полученных штатами квартир для учебного персонала...» [4, 1].

Не лучшее состояние школы объяснялось тем, что само помещение не было предназначено для ведения широкой учебной деятельности, так как изначально принадлежало военно-инженерному управлению, а затем передано в безвозмездное пользование горской окружной школе.

В 1893 г. Комиссия, избранная общественным приговором доверенных от Большой и Малой Кабарды, констатировала, что регион

переживает земледельческий кризис, и дабы организовать «зрелое, сознательное, прогрессивное хозяйство, нужно иметь людей со специальными знаниями, и отсутствие последних в настоящее время мешает народно-экономическому росту; потому она признала необходимым преобразовать Нальчикскую горскую школу в среднее сельскохозяйственное учебное заведение» [5, 4].

Однако областное управление заявило о нецелесообразности строительства школы среднего звена с сельскохозяйственным уклоном. Вместо этого предлагалось открыть низшую сельскохозяйственную школу 2-го разряда с двухлетним подготовительным классом, где могли бы обучаться безграмотные дети без знаний русского языка. Подчеркивалась маловероятность того, что правительственная казна сможет расщедриться на подобное, а полагаться только на местный бюджет было невозможно в силу бедности населения. «Рассчитывать на то, что полный курс учебной программы среднего звена будет полностью усвоен с нынешним уровнем грамотности среди детей, не приходится» [6, 12 – 16].

20 мая 1895 г. приговор доверенных ходатайствовал о выдаче денег и земли на постройку сельскохозяйственной школы 2-го разряда [7, 4]. Дальнейшая судьба этого вопроса утонула в кабинетах чиновников. В дальнейшем проволочки с началом строительства здания для реального училища вполне могли быть связаны с долготной судебной тяжбой между Нальчикским слободским правлением и кабардинском обществом по поводу «Атажукинского сада». Получалось, что здание должно было быть построено на участке земли, находящемся в судебном разбирательстве. Ситуация коренным образом поменялась сразу после назначения начальником Нальчикского округа в октябре 1910 г. полковника Султанбека Касевича Клишбиева, имевшего большой юридический опыт.

Следующий серьёзный шаг был сделан в 1899 г., когда съезд доверенных вновь поднял вопрос о преобразовании Нальчикской горской школы в реальное училище, и для этих целей решил осуществлять особый ежегодный сбор в размере 6100 р. с присоединением к нему отпускаемых из общей суммы 4900 р. В Приговоре было высказано желание присвоить новому учебному заведению наименование «Училище Императора Александра третьего» [8, 24-28].

В начале 1900-х гг. этот вопрос несколько раз поднимался на съездах доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ и в Терском областном правлении. В июле 1905 г. доверенные подали докладную записку начальнику Терской области, в которой вновь поставили вопрос о преобразовании горской школы в реальное училище. Обосновывая проблему, они отметили, что «при 78000 кабардинского населения свыше 900 семейств принадлежат к привилегированным сословиям, что составляет около 6000 д. об. п., т. к. состав семьи в среднем 6,5 человек. Отправлять детей на учебу в пансион Владикавказского Реального училища представляется для многих не только затруднительным, но и невозможным, поскольку оно переполнено учениками» [9, 24].

29 октября 1905 г. Терское областное правление признало необходимость преобразования Нальчикской горской школы в среднее учебное заведение [10, 216]. Инициативу народов Кабарды и Балкарии поддержал наместник Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков. В феврале 1906 г. он обратился к управляющему делами Комитета министров Э. Ю. Нольде с просьбой: «Доверенные кабардинского народа и пяти горских обществ Терской области ходатайствуют о преобразовании существующей в Нальчике Горской школы в среднее учебное заведение, на устройство и содержание которого жители предлагают по 13150 руб. в год и 75000 руб. одновременно. Кабардинцы уже много лет просят о том, чтобы в Нальчике была средняя школа, где могли бы их дети получать необходимое для них общее образование. Подаваемые ранее ходатайства жителей не поступали в Центральное управление и оставались около 17 лет на рассмотрении в местных учреждениях, которые проектировали для жителей различные типы училища, но жители неизменно повторяли одну просьбу о необходимости для них общеобразовательного учебного заведения. Нахожу ходатайство жителей заслуживающим уважения» [9, 22].

Большое внимание в вопросе об устройстве среднего учебного заведения занимала его финансовая часть. В письме к наместнику Кавказа Э. Ю. Нольде сообщает, что на содержание училища в составе шести классов и одного приготовительного будет затрачено примерно 21 258 руб., не считая расходов по содержанию пансиона (по примеру Грозненского реального училища со-

держание пансиона выходило в 16 430 руб.). Реальное училище предполагалось разместить на том же участке, где располагалась Горская школа, а содержание его планировалось полностью передать кабардинскому обществу. В этом же письме Э. Ю. Нольде просил И.И. Воронцова-Дашкова выйти с ходатайством в правительство: 1) о разрешении преобразовать с 1 июля 1906 г. Нальчикскую горскую школу в реальное училище; 2) об источниках финансирования училища; 3) о присвоении реальному училищу имени императора Александра III согласно желанию кабардинского народа, выраженного в приговоре 24 июня 1889 г. [10, 207-208].

И только в 1908 г. Кавказская администрация дала согласие на преобразование Нальчикской горской школы в реальное училище, а 1 июля 1909 г. решением Государственной Думы реформирование состоялось [9, 217]. В разрешении этой многолетней проблемы значительная роль принадлежит назначенному в 1908 г. смотрителем-директором Горской школы Д.Д. Мучкапскому. В октябре 1908 г. он направил П. Л. Тизенгаузену докладную записку «К вопросу о преобразовании Нальчикской окружной горской школы в реальное училище имени императора Александра III», где обосновал открытие на базе горской школы приготовительного и первых двух классов реального училища [11, 4]. В этой записке были прописаны правила приема учеников, судьба воспитанников горской школы, бюджет нового училища, размер оплаты за обучение и т. д. Д. Д. Мучкапский являлся опытным педагогом, которого специально для этого дела направили в Нальчик из Тифлисского Александровского учительского института, поэтому в его профессионализме не приходилось сомневаться. В этом удостоверился и Начальник учебного округа на Кавказе, который назначил его первым директором Кабардино-горского реального училища. Д. Д. Мучкапский находился в своей должности до 1915 г., когда вновь был переведен в Тифлис.

На момент открытия реального училища в Нальчике горская школа состояла из 6 основных классов и одного приготовительного. Часть учащихся Нальчикской горской школы была переведена в первый и второй классы реального училища, некоторых из них мы знаем по именам: Герандуко Муртазов, Кучук Эркенов, Тлостанали

Тлостаналиев, Исмаил Перхичев, Аубекир Шакмахов, Василий Головки, Абдул-Азис Шадов, Мусса Джабоев, Султан Инароков, Албахсит Кодзоков, Таусултан Куныжев, Кучук Лафишев, Бетал Чемазоков, Лукман Шарданов, Карачай Шонегов [11, 341].

В подготовительный класс зачислялись дети в возрасте от 8 до 10 лет, а в первый – от 10 до 13. Училище заканчивали в возрасте 17 – 19 лет. Максимальное число учеников в каждом классе в зависимости от размеров помещений и устройства отопления и вентиляции составляло в пределах 35 – 40 человек.

В 1909 г. количество казенных стипендий с 50 было увеличено до 70 [12, 150].

Так как существующее здание Нальчикской горской школы действовало без оборудованных кабинетов и пансиона, то было принято решение о постройке нового помещения. К ноябрю 1910 г. чертежи главного корпуса были предоставлены в Строительный комитет [13, 6]. На строительство здания государство отпускало недостаточно средств, около 21 400 р. из так называемых «аробных сумм», собранных с населения за вывоз леса. Ещё в 1908 г. состоялся приговор доверенных Большой и Малой Кабарды об ассигновании денег в размере 88 062 р. К 1911 году в дополнение ко всему принято решение ассигновать 36775 рублей из кабардинского капитала. Было возбуждено также ходатайство о выдаче 24000 р. сроком на 5 лет кредита из войскового капитала Терского казачьего войска [14, 109-110].

Здание было построено в кратчайшие сроки – с 13 июля 1911 г. по 30 августа 1913 г., то есть с момента закладки прошло всего два года и неполных два месяца. Был создан архитектурный шедевр, который является украшением столицы Кабардино-Балкарии уже более ста лет.

---

1. Синюшина И. В. Развитие реального образования в России в XIX – начале XX века [Текст]: автореф. дис. канд. пед. наук. М., 2000. 24 с.

2. Кутепова О.А. Государственная политика в области профес-

сиональной подготовки в общеобразовательных школах России XIX – начала XX века // Современные проблемы науки и образования. 2013. №5. С. 1-7.

3. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России // Под ред. А.Г. Небольсина. СПб: тип. В. Киршбаума, 1883. 259 с.

4. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1170.

5. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 63. Д. 140.

6. ЦГА КБР. Ф. И – 6. Оп. 1. Д. 328.

7. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 63. Д. 139.

8. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 509.

9. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795.

10. Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX века / Сост. М. З. Саблиров. Нальчик: Эль-фа, 2001. 270 с.

11. Опрышко О.Л. Жизни и судьбы: Ученики Кабардино-Горского реального училища. 1909–1920. Нальчик: Из-во М. и В. Котляровых, 2020. 344 с.

12. Созаев А. Б. Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в.: дис. на соиск. уч. ст. к. и. н.: 07.00.02. СОГУ, Владикавказ. 2009. 200 с.

13. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1209.

14. ЦГА КБР. Ф. И – 6. Оп. 1. Д. 858.

М.В. Ахмадова
магистрант
ЧГУ им. А.А. Кадырова,
А.М. Сугаипова
к.и.н., старший преподаватель
кафедры новой и новейшей истории
ФГБОУ ВО ЧГУ им. А.А. Кадырова
(г. Грозный)

**СТОЛКНОВЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
С РЕАЛИЯМИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

В научной статье рассматриваются особенности формирования политической системы Великобритании. Подчеркивается, что с учетом политической реформы 1832 г. была образована консервативная и либеральная политическая партия. Однако либеральная партия в период Первой мировой войны начала терять преимущество среди партий из-за внутренних разногласий и внешних факторов, что привело к потере политического преимущества, так как ее место заняла лейбористская партия.

Ключевые слова: политическая система Великобритании, Первая мировая война, либеральные ценности, либеральная партия, консервативная партия, лейбористская партия, социализм.

The scientific article discusses the features of the formation of the political system of Great Britain. It is emphasized that, taking into account the political reform of 1832, a conservative and liberal political party was formed. However, the Liberal Party during the First World War began to lose its advantage among the parties due to internal divisions and external factors, which led to the loss of political advantage, as the Labor Party took its place.

Keywords: British political system, World War I, liberal values, Liberal Party, Conservative Party, Labor Party, socialism.

В Великобритании партийная политическая система сформировалась исторически: начиная с 70-х гг. XVII в. возникли две политические партии – тори и виги, которые различались по политическим убеждениям (тори были за монархию, а виги за приоритет

парламента). С учетом политической реформы 1832 г. тори и виги образовали две партии, которые существуют и по настоящее время – то консервативная (бывшая тори) и либеральная (именовалась до этого – виги). При этом следует сказать, что в Великобритании действуют и иные партии, например, Лейбористская (основана в 1900 г.), объединяющая мелких и средних предпринимателей и представителей интеллигенции (в начале XX в. значительная часть Лейбористской партии обращала большее внимание на социально-экономические пути развития Великобритании (условия труда, продолжительность рабочего времени и т.д.) [2, 375]), Коммунистическая партия (основана в 1920 г.), в идее которой лежал марксизм-ленинизм [3, 94 – 96].

Непосредственно переходя к рассматриваемому нами историческому периоду времени, хотелось бы сказать, что Первая мировая война существенно отразилась на политической системе Великобритании, что выразилось, в частности, в падении общественной поддержки Либеральной партии. Так, до начала войны они были одной из партий, которые могли претендовать на занятие преимущественного положения в парламенте. В 1906-1915 гг. у власти находилось либеральное правительство, которое поддерживали лейбористы и ирландские националисты. Однако после выборов, проведенных в 1915 г., либералы уже не смогли сформировать свое правительство, а после выборов 1922 г. уже лейбористы оттеснили либеральную партию (именно с этого исторического периода данная политическая партия потеряла своё существенное влияние на политику, проводимую в Великобритании).

Следует подчеркнуть, что либеральная партия обладала местным и национальным социальным институтом, а также взаимодействовала с религиозной общиной нонконформистов.

В силу чего потеря ее политического влияния привела к общественному резонансу.

С субъективной стороны ослаблению либеральной партии способствовало участие Великобритании в войне. Именно это породило политические разногласия между сторонниками и противниками участия страны в конфликте. Поэтому противники начали переходить в партию лейбористов, а правительство, во главе которого были именно либералы, развернуло политическую програм-

му, идущую в разрез основной идеологии партии. Это привело к еще одному разногласию внутри партии: сторонники классического либерализма конфликтовали с приверженцами большего влияния государства на различные общественные отношения. Следует сказать, что, с одной стороны, партия поддерживала участие страны в войне, но с другой – изнутри раскол партии только увеличивался.

После выборов, состоявшихся в 1915 г., было сформировано коалиционное правительство из консерваторов и либералистов (которые заняли ключевые посты). Негативным последствием, сыгравшим значимую роль против либеральной партии, стало смещение премьер-министра Асквита, политика которого постоянно подвергалась критике. В то же время Ллойд Джордж был более активен и вскоре возглавил правительство, а Асквит остался лидером партии, что привело к расколу партии (стоит сказать, что за первого и второго кандидата голоса от партии были распределены поровну). Данная перестановка сил привела к тому, что Ллойд Джорджу была необходима поддержка, которую он нашел в лице своих коллег по коалиции (включая правительство и палату общин).

В период проведения выборов 1918 г. либеральная партия, с одной стороны, оставалась на политической арене, но с другой – на дебатах Асквит высказался против правительства, что привело к разделению голосов электората между партией и правительством. Ллойд Джордж решил участвовать в выборах совместно с консерваторами. По итогам выборов у сторонников Ллойда Джорджа и консерваторов осталась коалиция, а либералы стали оппозиционерами. Лейбористская партия превратилась в полноценную политическую партию.

Политика, проводимая Асквитом, привела к потере его влияния на правительство, что отразилось и на взаимоотношениях политика со своими сторонниками [1, 5 – 7].

В подобной политической ситуации, в частности, Ллойд Джордж предложил для сохранения политического влияния либералов создать партию Центра. Это предложение нашло поддержку среди консервативной партии, что было обусловлено уменьшением влияния лейбористской партии. В 1919 г. эту партию центра поддержал и У. Черчилль, но в начале 1920 г. им не удалось добиться

поддержки по реализации этой политической программы со стороны либеральных министров. Затем левые либералы примкнули к социалистам, как к более близким по политической идеологии, чем консерваторы.

В 1920-е гг. на политической арене лучше всего себя зарекомендовали лейбористы (выступали за защиту интересов рабочих) и консерваторы (были на стороне среднего класса). Касательно либералов, сочетающих в себе обе позиции, то они оказались в затруднительном положении: их сторонники поддерживали иные партии, как более обстоятельные в вопросе отстаивания тех или иных интересов, которые были ближе для избирателей, а не той политической партии, которая сочетала в себе обе политические позиции.

19 октября 1922 г. значительная часть консерваторов высказалась о необходимости занятия нейтральной позиции в коалиции с либеральной партией, что привело к роспуску правительства и проведению выборов. В результате консерваторы набрали 345 мест, национальные либералы – 62, независимые либералы – 54, а лейбористы – 142, впервые став второй партией по количеству мест.

После этих выборов Ллойд Джордж начал проводить политику, основанную на идее соединения либералов в единую партию (это было осложнено сторонниками Асквита, которые не хотели видеть свою партию во главе с Ллойдом Джорджем) [1, 8 – 10].

Таким образом, можем сказать, что к уменьшению роли либеральной партии привела непродуманная политика, спровоцировавшая раскол партии. Разочаровавшись в либеральной идеологии, избиратели начали поддерживать конкурентов.

План Ллойда Джорджа по созданию партии центра не оказал должного влияния на электорат, так как он поддержал не превалирующее мнение общественности, а определенную политическую программу, выраженную консерваторами и лейбористами.

Вместе с тем изменение партийно-политической системы не привело к исчезновению либеральной партии, что свидетельствует о прочности партийной идентификации и существовании альтернативы между иными политическими партиями.

---

1. Адамов Д.П. Либеральная партия в политической системе Великобритании 1918–1924 годов: упадок и выживание // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 4 (35). С. 5-13.

2. Сулопарова Е.А. Вопросы развития империи после Первой мировой войны в документах лейбористской партии Великобритании // Запад и Восток: история и перспективы развития: сборник статей 30-ой Юбилейной Международной научно-практической конференции / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2019. С. 375-381.

3. Шевцов А.Л. Партийная система Великобритании и ее значение в проведении всеобщих парламентских выборов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2 – 1. С. 94-97.

**Х.И. Мисиков,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ Г. АЛАГИР СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР)**

В статье рассматриваются вопросы функционирования городских органов власти в условиях военного времени на примере малого города Алагир, а также восстановление промышленности и инфраструктуры города после немецкой оккупации, работа Исполнительного городского комитета трудящихся по улучшению условий жизни горожан в условиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: город Алагир, Великая Отечественная война, исполком города Алагир, народное хозяйство, восстановление, депутаты трудящихся, городской совет.

The article deals with the functioning of city authorities in wartime conditions on the example of the small town of Alagir, as well as the restoration of industry and infrastructure of the city after the German occupation, the work of the Executive City Committee of Workers to improve the living conditions of citizens in the conditions of the Great Patriotic War.

Keywords: the city of Alagir, the Great Patriotic War, the executive committee of the city of Alagir, national economy, restoration, workers' deputies, city council.

Изучение работы государственных органов власти в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. имеет весомый научный и политический интерес. В такие тяжёлые для страны времена проверяются на прочность не только дух человека и его воля, но и существующие государственные институты, которым суждено координировать всю социально-экономическую и политическую жизнь страны. Нужно отметить, что годы Великой Отечественной войны стали одними из самых больших испытаний для Советского государства и многонационального народа.

История Великой Отечественной войны с годами не теряет своей актуальности и значимости. Советская научная историческая школа, современные исследователи, в том числе и региональные, составили значительную историографию по изучению различных

аспектов Великой Отечественной войны. Это такие авторы, как А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко [1], А.А. Аникеев, Т.М. Баликов, С.В. Януш [2], Х.Т. Чибиров [3], Т.Т. Худалов [4] и др. [5, 6, 7]. Но, несмотря на значительный перечень работ, практически не рассмотренным или малоизученным остаётся вопрос функционирования малого города в условиях Великой Отечественной войны.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка ввести в научный оборот новые, ранее не опубликованные архивные материалы, подтверждающие роль и задачи исполнительных органов власти в кризисный военный период. Малые региональные города, как и все территории, участвовавшие в мобилизационных, военных или восстановительных процессах, вынуждены были перестраиваться под насущные проблемы. Ярким примером может выступать деятельность Исполкома города Алагир Северной Осетии. Данные протоколов заседаний Алагирского исполнительного городского комитета помогают нам восстановить основные направления его работы после немецкой оккупации, продолжавшейся более 50 дней: с 1.11.1942 по 24.12.1942 г.

В нашей статье мы хотим отметить значение деятельности исполкома города Алагир по восстановлению промышленности и общественно значимых объектов в сложных социально-экономических условиях войны. Публикуемая подборка документов была обнаружена в Архивном отделе Администрации местного самоуправления Алагирского района Республики Северная Осетия – Алания.

Одной из важнейших задач для исполкома города Алагир после его освобождения частями Красной Армии от немецких захватчиков стал вопрос восстановления народного хозяйства Алагира и его инфраструктуры, а также нормализация условий жизни горожан. Благодаря протоколам заседаний Исполкома города мы можем увидеть основные направления городских властей по восстановлению народного хозяйства города и поддержанию достойного уровня жизни в условиях военного времени, которые отражены в решениях и постановлениях Исполкома городского Совета депутатов трудящихся города Алагир. Считаю возможным привести текст одного из Протоколов сессии 13 созыва Исполнительного комитета Алагирского городского Совета депутатов трудящихся, демонстрирующий приоритетность рассматриваемых проблем. Важными раз-

делами повестки дня, наряду с вопросами о ходе весенних работ колхозов города, а также организационных моментов, был вопрос о восстановлении народного хозяйства города Алагир после оккупации города немецкими захватчиками. Докладывал товарищ Ачеев У.Б. Председатель Алагирского горсовета.

ПРОТОКОЛ

Сессия 13 созыва Алагирского горсовета депутатов трудящихся.
От 17 апреля 1943 г.

Город Алагир.

Председательствует – депутат БТЕМИРОВ, И. Х.

Секретарь – ГАБАНОВА, Н. Г.

УЧАСТВУЮТ депутатов 13 человек.

Отсутствуют « – 10 – » – по неуважительной. прич. 3 чел. по уважительной. – » – 7 чел.

Приглашенных руководителей организаций, учреждений колхозов 20 человек.

Повестка дня:

1. О восстановлении народного хозяйства города Алагир после оккупации города немецкими захватчиками. / АЧЕЕВ /

2. О ходе весенних работ колхозов города / ХАМАТОВ /

3. Оргвопросы. / АБАНОВА /

1. СЛУШАЛИ:

О восстановлении народного хозяйства города Алагира после оккупации города немецкими захватчиками. /т. АЧЕЕВ /

За период хозяйничанья гитлеровских мерзавцев в Алагире народному хозяйству города причинен значительный ущерб. Уничтожены, разорены, сожжены главные жизненные объекты, как-то:

а/ Алагтранс;

б/ железнодорожная станция с ее веткой;

в/ краеведческий музей;

г/ городская библиотека.

д/ клуб, кинотеатр, гостиница, раймаг, больница и пр.

уничтожены, частью разорены линии связи электростанций.

Руководство Исполкома недостаточно уделило внимания во-

просу привлечения депутатов к повседневной работе Исполкома в условиях военного времени [.....]

Сессия Городского Совета Депутатов Трудящихся также отмечает, что несмотря на то, что создавшиеся условия временной оккупаций территорий города немецкими захватчиками требуют от руководителей предприятий и учреждений упорной повседневной работы по восстановлению народного хозяйства и создания нормальных культурно-бытовых условий населению, некоторые руководители / Пищекombината – Пагнев, УЗК – Макашин / после освобождения города от немецких оккупантов проявляют недостаточную оперативность, в результате чего наблюдаются частые срывы в снабжении населения продуктами питания.

В целях ликвидации последствий немецкой оккупации СЕССИЯ Городского Совета Депутатов Трудящихся –

РЕШАЕТ:

1. Предложить Горисполкому, руководителям предприятий и учреждений города:

а/ обеспечить быстрое восстановление разрушенного немецкими оккупантами народного хозяйства;

б/ обеспечить бесперебойную работу предприятий по заранее составленному графику;

в/ усилить борьбу за снижение себестоимости продукции и повышение производительности труда;

г/ обеспечить укрепление трудовой дисциплины;

д/ увеличить выпуск товаров ширпотреба;

е/ умело и правильно организовать труд рабочих;

ж/ повести решительную борьбу за чистоту и порядок на производстве, еще шире развернуть первомайское социалистическое соревнование, и на основе этого добиться выполнения и перевыполнения производственных планов.

2. В целях обеспечения надлежащего санитарного состояния города и предохранения населения от эпидемиологических заболеваний, предложить Горсовету, руководителям предприятий и колхозов привлечь население к непосредственной вывозке нечистот и мусора.

3. Обязать Городское Коммунальное хозяйство содержать улицы, мосты, каналы, места общественного пользования в чистоте,

привести в надлежащее состояние жилищно-коммунальное хозяйство, рационально используя отпускаемые кредиты на восстановление этого хозяйства.

Предложить председателю Горисполкома т. АЧЕЕВУ:

а/ регулярно проводить заседание Исполкома Сессий Горсовета;

б/ оказывать максимум внимания вопросам оказания помощи семьям военнослужащих и эвакуированным;

в/ привлечь к работе Горсовета всех депутатов Горсовета.

5. Обязать Горисполком создать условия нормальной работы школ, добившись охвата учебой всего школьного контингента.

6. Созвать совещание хозяйственников.

7. Предупредить хозяйственников об их ответственности за своевременное освоение кредитов.

8. Обязать Начальника Мехлеспункта т. МАКАШИНА немедленно обеспечить лесоматериалом потребности города [8, 1-3].

В протоколе Алагирского исполнительного комитета обозначены ключевые направления восстановления народного хозяйства Алагира. Стоит выделить, что основные усилия властей легли на обеспечение быстрого восстановления разрушенного народного хозяйства, а также инфраструктуры города. Немалая роль в условиях военного времени уделялась горисполкомом обеспечению бесперебойной работы предприятий. Что было продиктовано военным временем. Одним из важнейших вопросов, на который депутаты исполнительного комитета обращали внимание – это вопрос трудовой дисциплины на предприятиях. В условиях военного времени и разрухи городские власти Алагира уделяли огромное внимание образованию, Алагирский Горсовет Депутатов Трудящихся отмечает, что, несмотря на тяжёлое, полуразрушенное состояние школ после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, работа школ города восстановлена. Однако в работе школ имеется целый ряд недостатков:

1. Не все учащиеся охвачены учебой.

2. Старшие классы не полностью укомплектованы педкадрами.

3. Ощущается недостаток школьной мебели, учебников, полностью отсутствуют тетради, наглядные пособия, что не может не отразиться на успеваемости учащихся.

4. Недостаток школьных помещений, что образует большую скученность учащихся в классных комнатах.

5. Зав. нач. школой № 1 БИЦОЕВА до сих пор не восстановила работу школы.

Исходя из вышеизложенного, Исполком Горсовета Депутатов Трудящихся решает: Обязать Зав. Гор. ОНО тов. ГОРИНУ полностью охватить всех учащихся учебой до 1 марта [10, 3]. Представленная выдержка из текста Протокола Заседания Исполнительного Комитета Алагирского Горсовета Депутатов Трудящихся от 24 февраля 1943 г. доказывает всю важность вопроса образования для городских властей.

Исходя из анализа официальных документов по деятельности Алагирского городского совета депутатов трудящихся, мы можем сделать следующие выводы:

1) главной целью городских властей было скорейшее восстановление инфраструктуры города – главных артерий, в том числе предприятий и колхозов города;

2) координация работы и нормализация деятельности общественно важных учреждений: таких, как городское коммунальное хозяйство, городской совет, больница, поликлиника и т.д.;

3) меры по улучшению качества условий жизни горожан, в частности, восстановление разрушенного коммунального хозяйства, выделение средств пострадавшим от немецкой оккупации, возобновление работы культурных и досуговых учреждений: клуб, музей, библиотека и т. д.;

4) идеологическая работа среди рабочих на предприятиях и колхозах города.

---

1. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

2. Аникеев А.А., Баликоев Т.М., Януш С.В. Проблемы битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. 2003. №1. С.73 – 86.

3. Чибиров Х.Т. Северо-Осетинская парторганизация в период Великой Отечественной войны. Орджоникидзе, 1957.
4. Кринко Е.Ф. Битва за Кавказ в советской и современной российской историографии // Юбилейный сборник научных трудов СНИЦ РАН и СГУТиКД. Сочи: РИО СГУТиКД, 2010. С.5-14.
5. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Владикавказ, 1992.
6. Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Орджоникидзе, 1968.
7. Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Орджоникидзе, 1978.
8. Архивный отдел Администраций местного самоуправления Алагирского района Республики Северная Осетия – Алания. Ф.32. Оп1. Д.1. Л. 1-3.
9. Архивный отдел Администраций местного самоуправления Алагирского района Республики Северная Осетия – Алания. Ф.32. Оп1. Д.1. Л.8. Л12.
10. Архивный отдел Администраций местного самоуправления Алагирского района Республики Северная Осетия – Алания. Ф.32. Оп1. Д.2. Л.3.

Т.Т. Бабаев,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕРКИ КОМИССИИ
МИНИСТЕРСТВА МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В 1960 г.

В статье рассмотрены результаты, выявленные в ходе проведенной министерством местной промышленности Северо-Осетинской АССР проверки. Дана характеристика роли министерства, рассмотрен список промышленных предприятий, подконтрольных ему. Обозначено субъективное оценочное суждение о влиянии данных результатов на дальнейшее развитие экономики СССР.

Ключевые слова: министерство местной промышленности, экономика, семилетка, Н.С. Хрущев, совнархоз.

The article discusses some of the results identified during the inspection conducted by the Ministry of Local Industry of the North Ossetian ASSR. A description of the role of the Ministry of Local Industry is given and a list of industrial enterprises controlled by it is considered. A subjective value judgment is given on the impact of these results on the further development of the USSR economy.

Keywords: Ministry of Local Industry, Economy, Semiletka, N.S. Khrushchev, sovnarchoz.

Смена политического курса СССР после смерти И. Сталина требовала также корректировки экономической стратегии. Но речь не шла о каких-либо коренных преобразованиях той системы управления народным хозяйством, которая сложилась в конце 1920-х – 1930-е гг. Вопросы о внедрении рыночных механизмов, многообразии форм собственности, отказе от государственного контроля над экономикой даже не обсуждались. Преимущества социализма никто в советском руководстве под сомнение не ставил. Предлагалось лишь ликвидировать некоторые проблемы, например, почти полное отсутствие материальных стимулов к труду и отставание от развитых стран Запада в технико-технологическом развитии.

Н. Хрущёв, как и многие другие члены руководства СССР, считал, что проблемы в развитии народного хозяйства не связаны с советской экономической системой: они виделись в отдельных

недостатках в работе органов управления и ошибках с подбором кадров.

Со стремлением исправить указанные ошибки была связана экономическая реформа управления промышленностью, которая началась в 1957 г. Речь шла о замене отраслевого принципа управления экономикой на территориальный, министерств – на совнархозы [1, 7 – 11].

В СССР на базе существовавшего административного деления создавались 105 экономических районов (70 из них – в РСФСР). Все промышленные предприятия и стройки, расположенные на их территории, были переданы в ведение местных совнархозов. Лишь предприятия оборонной промышленности оставались в подчинении общесоюзных министерств.

Министерство местной промышленности Северо-Осетинской АССР осуществляло контроль над выполнением народно-хозяйственного плана подведомственных организаций по производству товаров народного потребления и продовольствия из местного сырья, оснащало новейшим оборудованием, усиливало контроль над качеством выпускаемой продукции.

Министерство местной промышленности имело следующую отраслевую структуру:

- 1) металлообрабатывающая промышленность;
- 2) производство местных строительных материалов;
- 3) химическая промышленность;
- 4) мебельная промышленность;
- 5) швейная промышленность и предприятия по бытовому обслуживанию.

В целях развертывания местной промышленности Совет министров СО АССР от 30 марта 1959 г. вынес постановление об объединении министерств – продовольственных товаров и местной промышленности, в результате чего в министерство местной промышленности вошли: макаронная, пивобезалкогольная, плодоовощная и крахмально-паточная промышленность в количестве 17 предприятий.

В связи с этим образовывается новая структура министерства местной промышленности:

- 1) отдел продовольственных товаров;

- 2) отдел промышленных товаров;
- 3) планово-экономический отдел;
- 4) бухгалтерия;
- 5) 2 инженера-строителя;
- 6) старший инженер по кадрам;
- 7) канцелярия.

При министерстве местной промышленности имелось самостоятельное учреждение – конструкторско-технологическое бюро.

Выполнение шестой пятилетки (1956-1960 годы) было прервано по определенно другой причине. Состоявшийся в начале 1959 г. XXI съезд КПСС принял по инициативе Н. С. Хрущева вместо пятилетнего – новый, семилетний, план на 1959-1965 гг. с повышенными показателями. Его претворение в жизнь должно было стать первой ступенью в построении коммунизма к 1980 году.

Для подведения итогов перед началом семилетнего плана приказом министра местной промышленности Северо-Осетинской АССР за №271, во исполнение постановления Совета Министров РСФСР от 28 января 1960 г., создается ревизионная комиссия для проверки подконтрольных предприятий в следующем составе:

- 1) Цгоев Д.Г. – заместитель министра, главный инженер, председатель;
- 2) Назарова А.Г. – заместитель министра, заместитель председателя;
- 3) Шнайдман С.А. – главный бухгалтер;
- 4) Дигурова С.А. – начальник планового отдела;
- 5) Гаранина Н.И. – инженер;
- 6) Кузнецова Н.В. – инженер;
- 7) Панарина В.Е. – экономист;
- 8) Сенирина В.К. – инженер-строитель;
- 9) Баранова Л.И. – начальник КТБ

[2, 39].

Проверкой фабрично-заводской инспекции Энергосбыта «Севкавэнерго» на предприятиях министерства местной промышленности, проведенной с февраля по октябрь 1960 г., установлен ряд грубых нарушений, связанных с эксплуатацией котельных установок. Эти нарушения ведут к перерасходу топлива и вырабатываемого тепла, что могло послужить причиной аварии и несчастных случаев.

На Орджоникидзевском химкомбинате, Бесланском и Ардонском райпищекOMBинатах паровые котлы эксплуатировались без разрешения инспекции Котлнадзора.

На Орджоникидзевском пивзаводе не были отрегулированы и опломбированы контрольные предохранительные клапаны, на водоизмерительных приборах отсутствовали указатели наивысшего и наинизшего уровня воды в котле, на манометрах отсутствовала красная черта допускаемого рабочего давления, не работали краники водомерных стекол. На заводе безалкогольных напитков отсутствовали устройства для опробования исправной работы контрольного предохранительного клапана, не работали краники водомерных стекол, манометры на котлах были установлены без пломб.

Выяснилось также, что на Алагирском райпищекOMBинате не велся вахтенный журнал работы кочегаров, не были вывешены отмененные правила для обслуживающего персонала [2, 8].

Руководством завода безалкогольных напитков (директор тов. Салбиева, технорук тов. Мартиросян) до времени проверки

- не были выполнены ранее изданные приказы министерства, что отрицательно отражалось на условиях эксплуатации источника;
- не был произведен ремонт запасной электростанции;
- не были ликвидированы недостатки в монтаже электросети, и она продолжала эксплуатироваться с нарушением технических условий;
- не были облицованы панели моечного отделения;
- паропроводные коммуникации на чердаке не были изолированы.

Бактериологическая лаборатория по контролю минеральной воды при заводе безалкогольных напитков до времени проверки не была организована, несмотря на то, что заводу была выделена вторая единица инженерно-технического работника.

Как было установлено проверкой, проведенной Управлением государственной инспекции по качеству товаров и торговли от 24-го сентября 1960 г., розлив минеральной воды производился с нарушениями.

Не выдерживалась инструкция от 23 июля 1952 г. по разливу минеральных вод и исполнению санитарных требований. Проверка

обнаружила: бутылки перед розливом моются плохо и недостаточно ополаскиваются от щелочного раствора; очистка керамических фильтров проводится нерегулярно, вследствие чего имеют место факты попадания в бутылки с водой посторонних включений; содержание углекислоты в воде в ряде случаев не соответствует техническим условиям, и контроль за этим со стороны лаборатории не ведется, что способствует проникновению в торговую сеть воды с низким содержанием углекислого газа. Предварительная обработка продукции осуществляется плохо, совершенно не уделяется должного внимания вопросу внешнего оформления: этикетки на бутылки наклеиваются криво, и на большинстве из них этикетки частично сорваны. Инструкции по обслуживанию каждого агрегата, а также технологические инструкции по розливу воды в цеху не были вывешены. Совершенно неудовлетворительно организован учет готовой продукции. В цеху на низком уровне находится производственная и технологическая дисциплина [2, 27].

Произведенной ревизией хозяйственно-финансовой деятельности Химкомбината за период с 1 января по 1 июля 1960 г. установлено:

директор Химкомбината Кудзаев Х.Д. слабо занимался улучшением экономических показателей предприятия, допустил удорожание себестоимости продукции против плана на 159,0 тыс. рублей, в том числе по воде на 27 тыс. рублей, электроэнергии на 14,2 тыс. рублей.

Указания министерства по вопросам усиления контроля над сохранностью социалистической собственности руководством не выполнялись. Продолжал иметь место недогруз готовой продукции при отгрузке за пределы республики, при этом виновные к ответственности не привлекались. Работники комбината допускали незаконные списания товарно-материальных ценностей на производстве. За указанный период времени без разрешения министерства было незаконно уценено 100 метров вельвета на 50% и продано рабочим и служащим, чем был нанесен убыток производству – 738 рублей.

Получаемое фондовое сырье (ткань, бязь, диагональ и другая тканевая продукция) директором комбината без соответствующего разрешения незаконно реализовано предприятиям, не входящим

в систему министерства, на сумму 940 тыс. рублей. Кроме того, за реализацию этого сырья выплачено вознаграждение постороннему лицу суммой 1000 рублей при наличии на комбинате начальника снабжения и сбыта, товароведа. За полугодие за простой вагонов, хранение грузов, простой автотранспорта уплачено штрафов – 14,0 тыс. рублей; за несвоевременный возврат алюминиевых бочек – 7,8 тыс. рублей. Директор Химкомбината при покупке в Кисловодской артели «Художпром» каучука для производства в результате бесхозяйственности нанес убыток комбинату в сумме 11,7 тыс. рублей.

Вырабатываемые комбинатом белила вместо отпуска по фондам управления снабжения и сбыта при Совете министров СО АССР, Кудзаев Х.Д. реализовывал по своему усмотрению, без нарядов.

Выяснилось, что главный бухгалтер комбината, Д.Ф. Калиновский, не оправдал себя как финансовый контролер, допускал грубейшие финансовые нарушения, в частности, нарушал сметно-штатную дисциплину, вуалировал в учете дебиторскую задолженность; списал излишнюю сумму – 67,0 тыс. рублей – на производство регенератов в количестве 28,6 тонн.

Д.Ф. Калиновский не осуществлял контроль за работой материально-ответственных лиц и при выборочной инвентаризации, проведенной ревизором на складе готовой продукции. У заведующего складом тов. Дзитоева выявлены излишки на 15 990 руб. 55 коп., недостача на 17 601 руб. 60 коп., а у заведующего материальным складом выявлены излишки на 11095 руб. 95 коп. За счет экономии отдельных статей смет расходов главбух Калиновский относил незаконно суммы на «Транспортные расходы» [2, 37,38].

В результате проверки в присутствии представителя министерства от 27 и 28 июля 1960 г. фактических выходов хлебобулочных изделий на Правобережном райпищекомбинате по производству контрольных выпечек по основному ассортименту было установлено:

– фактический выход хлеба I сорта составил 1,3% свыше установленной нормы, а выход хлеба II сорта – 4,8% сверх нормы, в то время, как по отчетным данным, представленным министерству местной промышленности СО АССР за июнь месяц 1960 г., имеется перерасход муки в количестве 4109 кг, из них I сорта 3278 кг, II сорта 769 кг и обойной 77 кг.

Цеховой учет сырья и готовой продукции на Правобережном райпищекombинате велся явно неудовлетворительно: производственные места заполнялись несвоевременно, мука из склада в цех сдавалась без взвешивания на весах. Выработанный хлеб бригадами смен в экспедицию поштучно не отпускался. Совершенно отсутствовал цеховой журнал сдачи муки по сменам от одного бригадира к другому, и со стороны бухгалтерии не было должного контроля над производственным учетом.

Выявилось, что склад муки на ночное время не пломбируется, в результате чего на складе кем-то была произведена пересортица муки (8 мешков I сорта заменены вторым сортом).

Все эти факты свидетельствовали, что на Правобережном райпищекombинате с сохранностью социалистической собственности дело обстояло неблагополучно.

Контроль за правильностью ведения технологического процесса со стороны лаборатории не был обеспечен, анализы готовой продукции и полуфабрикатов производились несвоевременно и некачественно, в лаборатории посуда и оборудование содержались в антисанитарном состоянии. Совершенно не производились анализы поступающей в производство муки [2, 49, 50].

На Орджоникидзевском пивзаводе директором Т.Б. Бицоевым грубо нарушались договорные отношения и обязательства по поставке пива фондодержателям. Нарушалось также положение о поставках товаров народного потребления, утвержденное Советом министров СССР от 22 мая 1959 г. №539, по которому товары, поставленные одному получателю сверх количеств, предусмотренных договором, не засчитываются в счет покрытия недоставки товаров другим получателям.

Так, за II квартал 1960 г. по личному распоряжению директора завода отпущено сверх фондов пива Пригородному райпо – 2538 дкл., Дигорскому райпо – 427 дкл., Правобережному – 27 дкл., и, наоборот, недопоставлено Алагирскому райпо – 561 дкл., Ирафскому – 665 дкл., Кировскому – 463 дкл., Орджоникидзевскому райпо – 710 дкл. и Адонскому – 535 дкл.

Директор пивзавода как поставщик не имел права самостоятельно без согласия фондодержателя производить зачет и давать сверх фондов за счет не выбирающих фондодержателей. Действия

Т.Б. Бицоева дали возможность райпотребсоюзам предъявить заводу санкции за недопоставку пива по фондам. Учитывая, что в летний период времени наблюдается большой спрос на пиво, и каждый фондодержатель, безусловно, выбирает свои фонды, должна была быть повышена ответственность пивзавода за отоваривание фондов в целях недопущения в дальнейшем отпуска пива в летний период сверх фондов [2, 55].

Таким образом, нарушения, выявленные на подконтрольных министерству местной промышленности предприятиях, являются признаком несостоятельности контролирующих органов власти проследить за выполнением плана вследствие децентрализованного контроля над предприятиями. Стоит также учитывать, что подобные нарушения были явлением повсеместным и встречались в других совнархозах. В дальнейшем это приведет к несостоятельности промышленных предприятий в борьбе за потребительский рынок, что доведет до упадка общую экономику СССР, а после «перестройки» и Российской Федерации.

---

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф.4372. Оп. 56. Д.11.

2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания) Ф.790. Оп.1. Д.47.

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

**А. А. Туаллагов,
дин, внс им. В. И. Абаева
О. А. Туаллагова,
студентка СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ ОСЕТИН

Статья посвящена проблемам генезиса народных собраний осетин как археолого-архитектурных памятников. Их истоки непосредственно связаны с памятниками аланского периода. Образцы таких святилищ сегодня фиксируются специалистами. Известные исследования позволяют рассматривать их и аналогичные им комплексы как святилища. В то же время они были связаны с судебной деятельностью. Их архитектурные особенности подтверждают сведения источников об отсутствии крытых святилищ у алан. Данные святилища посвящались женскому божеству. Осетинские фольклорно-этнографические материалы позволяют полагать наличие культа Богини-матери, в котором сосредотачивались, в том числе, представления общества о законе и миропорядке. Поэтому в рамках культа Богини-матери изначально могло происходить становление и функционирование судов. Сам образ Богини-матери связан с древнеиранскими представлениями, полагая наличие значимых параллелей в различных частях древнеиранского мира.

Ключевые слова: народное собрание, археолого-архитектурные памятники, фольклорно-этнографические материалы, аланы.

The article is devoted to the problems of the genesis of Ossetian folk assemblies as archaeological and architectural monuments. Their origins are directly connected with the monuments of the Alanian period. Samples of such sanctuaries are recorded by specialists today. Well – known studies allow us to consider them and similar complexes as sanctuaries. At the same time, they were connected with judicial activities. Their architectural features confirm the sources' information about the absence of covered sanctuaries

among the Alans. These sanctuaries were dedicated to a female deity. Ossetian folklore and ethnographic materials suggest the presence of a cult of the Mother Goddess, in which, among other things, society's ideas about law and world order were concentrated. Therefore, within the framework of the cult of the Mother Goddess, the formation and functioning of courts could initially take place. The very image of the Mother Goddess is associated with ancient Iranian ideas, suggesting the presence of significant parallels in various parts of the ancient Iranian world.

Keywords: folk assembly, archaeological and architectural monuments, folklore and ethnographic materials, the Alans.

Ученые неоднократно отмечали, что в прошлом основным регулятором общественной жизни у осетин являлось народное собрание – ныхас/нихас, нихæс и посреднический (третейский) суд – тæрхон. В некоторых случаях судебным органом становился и сам ныхас. Деятельность осетинских народных собраний и судов неоднократно привлекала внимание исследователей. Она остается объектом изучения и сегодня, причем, как в работах историков, этнологов, так и юристов. В них достаточно подробно представлена и историография вопроса.

Этнологи и историки фиксировали и сами места заседаний народных собраний на территории Осетии. Они могли иметь несколько вариантов. Особое внимание привлекали к себе объекты, которые определялись как «нартовские ныхасы», что свидетельствует о глубокой древности памятников, связываемых с эпическими предками осетин – нартами. Неоднократно фиксировались, хотя, к сожалению, и не полностью, каменные плиты-сидения, обычно выставленные по кругу. Отмечается наличие на некоторых осетинских ныхасах обработанных каменных сидений-«кресел» старейшин. Ныхасы могли окружаться вкопанными вертикальными камнями, иметь оформленные проходы и пр. На них кроме плит-сидений отмечены и специальные плиты-жертвенники, что указывает на проведение здесь определенных культовых действий.

Долгое время сама возможность изучения осетинских ныхасов как археолого-архитектурных памятников вызывала глубокие сомнения у ученых [1, 217–218]. Однако, как наглядно продемонстрировали современные обращения к указанной проблеме, именно данное направление открывает новые научные перспективы [2,

38–50; 3]. Уже традиционно археологические работы остаются мало известными историкам и юристам. Лишь в крайне редких случаях они отмечают их в черед своих компилятивных подборок. Но аналитическое обращение к ним является объективно необходимым с позиций мультидисциплинарного подхода в современных исследованиях. В данном случае представляется научно актуальным дополнительное обращение к фольклорно-этнографическим и лингвистическим материалам.

С другой стороны, анализ археологических и фольклорно-этнографических материалов о с. Лац и его ныхасе [4, 23; 5] позволил связать весь археолого-архитектурный комплекс с древними космогоническими представлениями и датировать, как минимум, аланским временем. На каменных объектах иногда обнаруживаются нанесенные примитивные изображения, знаки, включая тамгообразные или луночные углубления. Некоторые ныхасы исследователи датируют с середины II тыс. до н. э., т. е. с докобанского периода. Но такие ныхасы функционировали и в кобанский, и в более поздние периоды. Высказывалось и мнение о возведении их к аланской эпохе и о соответствующем происхождении.

Редкие письменные источники отмечали для периода раннего средневековья отсутствие у алан храмов и крытых святилищ. Но исследователи обратили внимание, что, хотя у алан в продолжение всего данного периода использовались святилища открытого типа и, вероятно, природные памятники типа пещер, с VIII в. все же появляются и святилища-постройки. Они выражали изменения в религиозных верованиях алан, за которыми стоял отход от архаичных представлений о богах как неукротимых стихиях, действующих во всем мире. Боги приобретали антропоморфные образы и уже нуждались в жилище [30, 14–16].

Святилища-постройки могли затем сыграть свою роль в адаптации аланского населения к культовым христианским строениям, имея различные проявления. Известны случаи построения христианских храмов на местах бывших святилищ. Со 2-й пол. X в. практически прекращается строительство крупных храмов и массово появляются малые однонефные церкви. Их появление в горах Кавказа отвечало традиционным представлениям о недопустимости человеку вхождения в святилище.

Исследователи объективно особо сопоставляют с осетинскими ныхасами памятники алан. Например, к ним предположительно относят археолого-архитектурные памятники у поселения Зубчихинское 3, Правоберезовское 2 и, возможно, Правоберезовское 5. Данные объекты располагаются в Кисловодской котловине и датируются V–VIII вв. [6, 151, 296; 7, 218, 234, 237, 245; 3, 307]. Обращает на себя внимание фиксация на них крупных обломков скал, установленных на ребро [7, 216, таб. 112, 2, 232, таб. 119, 3, 4]. Такое расположение даже визуальное формирует подобие сидений – «кресел».

Представлены соответствующие памятники и на городищах, связанных с историческими аланами: в слое V–VI вв. городища Адюх, городищ Рим – Гора VI–XIII вв., Уллу – Дорбунла VIII–XIII вв., в Тебердинском ущелье на р. Муху [3, 307; 8, 65, 72, 152, 160]. Особенно близким осетинским ныхасам предстает известный специалистам культовый комплекс на Кяфарском городище IX–X вв. [3, 307–308; 9, 183–186]. Само городище аргументировано определяют как резиденцию правителя Алании. Общий вид памятников напоминает о свидетельстве Аммиана Марцеллина (Амм. XXXI, 2, 23), что у алан не было крытых святилищ. Такое положение отражает, как отмечалось выше, древние представления о богах, воплощавших могучие и непреодолимые стихийные силы и действовавших во всем мире.

Предположение, основанное на указанных археологических данных, что нартовские ныхасы могут быть датированы аланским временем [3, 308–309], встретило краткое возражение, насколько можно понять, с указанием на позднесредневековый период [10, 86–87]. Но оно ничем не аргументировано, тем более, что никто не ограничивал времени существования подобных памятников на отдельных территориях. Предполагают, что еще один ныхас золотоордынского периода обнаружен в районе Татартупа [11, 166].

По предварительным наблюдениям исследователей, «нартовские ныхасы» и аналогичные им памятники являются ценными дохристианскими памятниками аланского периода. Первоначально они служили святилищами, посвященными женскому божеству. В дальнейшем их роль трансформировалась, и они стали исключительно мужскими святилищами [3, 296–309]. Среди аналогичных памятников выделяется мегалитический круг над с. Кадат, недалеко от с. Лац, который определяется как место проведения судебных заседаний. Его

сопоставляют с изображением заседания народного суда на картине известного художника и знатока этнографии осетинского народа М. С. Туганова. Следует отметить, на картине рядом с мужчинами-судьями представлены шесть женщин [4, 93–98; 3, 301].

От с. Кадат в соседнее ущелье шел путь в с. Дагом. Там фиксируются святилище и площадка Мадизæн. На площадке прежде заседал суд, в который обращались со всей Осетии и соседней Балкарии [12, 784]. Его решения были обязательны для исполнения. Мадизæн одновременно определялось как святилище и как суд [13, 129; 14, 117]. Здесь находился вертикально стоящий камень, что характерно для мест поклонения женским божествам [3, 296–298].

В названии площадки «мад+изæн» усматривают скрещение осетинского и тюркского слов в значении «мать/матушка», т. е. Мадизæн – «Мать – матушка». Поэтому полагают, что под именем «Матери» здесь некогда чтилась богиня правопорядка и правосудия, типологически близкая к греческой Фемиде. Такая богиня представлена в лице иран. Artī – (авест. Ašī –) [15, 63–64; 14, 97, 141, 266]. По другим сведениям, название было Мадизæд – «ангел матери» [16, 217], что, видимо, точнее следует понимать как «божество матери». Несколько необычно выглядит вариант Мадизе [17, 27], который, несомненно, следует рассматривать как гапакс.

В первом решении для второй части названия предлагается его тюркский эквивалент, видимо, только на том основании, что оно посещалось и тюркоязычными балкарцами. Но такое положение вряд ли могло повлиять на собственно осетинское название. Следует полагать, что истоки посещения балкарцами определяются ираноязычным аланским компонентом в этногенезе этого народа, а, следовательно, уходят, по меньшей мере, к аланской эпохе. Кроме того, исследователи отмечали, что в Осетии нет культовых мест, кроме Мадизæн и Тæтæртуп, которые бы объяснялись из тюрко-татарских языков [14, 141].

Но первое название закономерно отражает локализацию памятника татаро-монгольского владычества, выходя за рамки собственно аланского культурного круга, что невозможно приложить к Мадизæн. Кроме того, вариант названия Мадизæд помещает во второй его части собственно осетинское определение. Исходя из данных наблюдений, как представляется, открывается возмож-

ность поиска для названия Мадизаэн собственно аланской этимологии.

Поэтому для второй части названия Мадизаэн следует осторожно предложить на рассмотрение специалистами связь с иранским *zan – : сакское *usana*, др. перс. – *zana* – «род, племя», сакское *usan* – «рождать», если мы учтем осет. *зæнаг* – «дети», «потомство», мады *зæнаг* – «родные брат, сестра», *зæнагджы зæнаг* – «внуки», осет. (дигор.) *зæна* – «тучные поля, пастбища» и др. [18, 296–297]. Отмечается, но без приведения конкретного источника, наличие божественного покровителя женщин у осетин – дигорцев – Мадезаэн [19, 360]. Если предлагаемые основания окажутся верными, то Мадизаэн может представлять осетинскую форму – «Род матери», дополнительно указывая на большую древность памятника и связанных с ним представлений.

Связь суда с культом Богини-матери, которая рассматривается как Мать-Земля [4, 95], позволяет обратиться и к некоторым другим материалам. В осетинском (дигорском) сказании о сотворении человека представлен вариант древнего мифа первотворения [20, 9–12; 21, 97–103]. В нем повествуется о рождении первочеловека от брака Неба-Отца и Матери-Земли, которая предстает в образе прекрасной женщины по имени Сæрфат (Сæрфад/Сæрвад). Имя богини означает «Смысл», «Устроение (дел)», «Надлежащий порядок» [19, 155; 22, 82]. Образ Матери-Земли и семантика теонима сопоставимы с образом и именем скифской богини Артимпасы (Ἀρτίμπασα, Ἀρүімпаса, Ἀρίлпаса), отождествляемой Геродотом с Афродитой Уранией (Herod. IV, 59).

Ее имя сближается с именем иранской богини Artī [23, 60–61; 24, 94]. Как указывали ученые, в случае принятия данного сопоставления мы имеем единственный случай прямого совпадения теонимов скифской и иных древнеиранских мифологических традиций [25, 208–209]. Предлагались различные этимологические решения для скифского теонима, среди которых представлено и «Дающая законы» [26, 37–38; 27, 58]. Таким образом, мы сталкиваемся с той же лексемой, что нашла свое отражение в аланском названии крымского города Ἀρδάβδα, в котором представлено аланское *ард* – «бог», родственное древнеперс. *arta* – и авест. *а́ша* – «божество» и сохранившееся в осет. *ард/арт* – «клятва» [24, 89–90]. Его же усматрива-

ют в первой части осетинского сословного термина æлдар/æрдар – «господин», фиксируемого в качестве имени в различных древних надписях [28, 139–142].

Осетинское ард/арт – «клятва», в конечном итоге, восходит к *arta –, *rta – – «подходящий, правильный». В различных иранских языках она дала значения «истина; справедливость; священное установление; право; закон; правосудие; мировой порядок; священный порядок», «закон, установленный богами», персонифицируясь божеством истины и мирового порядка Arta, Aša, понятием, заключавшим в себе и этический смысл [23, 60–62; 29, 207]. В случае корректности приведенных наблюдений и признания за именем женского божества Матери-Земли оригинального аланского теонима, семантически тождественного древнеиранским и скифским теонимам, мы могли бы иметь в самом образе Сæрфат оригинальную древнеирано-скифо-алано-осетинскую параллель. Но, в целом, мы можем полагать, что образ богини Матери-Земли изначально был связан с понятием миропорядка и закона. В рамках ее культа могли происходить становление и функционирование древних собраний и судов.

---

1. Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 432 с.

2. Чиковани Г. Д. Осетинский ныхас // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1979. Т. V, 2. С. 29–107.

3. Скаков А. Ю. «Нартовские ныхасы» на Кавказе // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. Сборник статей. М., 2006. С. 282–312.

4. Цагараев В. Золотая яблоня нартов: История, мифология, искусство, семантика. Владикавказ: РИП им. В. А. Гассиева, 2000. 300 с.

5. Дзиццойты Ю. А., Кочиев К. К. Нарты и ваюги в селении Лац: на границе двух миров // Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. I. С. 260–266.

6. Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.: СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 1. 384 с.

7. Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.: СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 2. Каталог поселений Кисловодской котловины. 312 с.
8. Алексеева Е. П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1992. 216 с.
9. Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 183–200.
10. Романова Г. Б. Нартский эпос и история осетинского народа. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.
11. Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ: ФГУП «Издательство «Кавказская здравница», 2003. 191 с.
12. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1929. Т. II. VI+619–1176 с.
13. Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Т. 1. Общественный быт осетин в XIX в. 160 с.
14. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 2010. 623 с.
15. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1973. Т. II. 448 с.
16. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном изучении. М.: Типография В. Гатцук, 1886. Т. 2. 410+II с.
17. Бзаров Р. С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев первой половины XIX века // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 11–34.
18. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1989. Т. IV. 325 с.
19. Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ: Алания, 2003. 736 с.
20. Гарданти М. Q. Рагон Нарты æма уонæн сæ фæстагonti зæронд Дигори дин. Киристон – Гъæу, 1893–1924 // Научный архив СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 144. П. 51. 102 ф.
21. Гарданти М. Q. Рагон дигорон хадзари царда уаг. 1901–1903

// Научный архив СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 51. Д. 163. Т. 3. 109 ф.

22. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1979. Т. III. 358 с.

23. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I. 655 с.

24. Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов // Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. Т. I. С. 89–96.

25. Раевский Д. С. Скифский пантеон: семантика структуры // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева. М., 1994. С. 198–213.

26. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.

27. Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // ВЯ. М., 1992. № 5. С. 50–59.

28. Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья: V–IX // *Hyperboreus*. 1994/1995. Vol. 1. Fasc. 2. С. 138–145.

29. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. 1. 327 с.

30. Албегова З. Х.-М. Палеосоциологическое исследование религии алан V–XII вв. Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 2000. 20 с.

Б.Н. Макоев
специалист КОЦ «Эрмитаж Кавказ»,
(г. Нальчик, КБР)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОТЕСТАРНОЙ СТРУКТУРЫ КОБАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Эта статья посвящена одной из проблем кобанской археологической культуры – социальной структуре кобанского общества. В публикации произведен анализ имеющихся на данный момент теорий относительно социальной структуры кобанского общества. Проанализирована вся история изучения социально-потестарной структуры кобанского общества. В процессе изучения источников и погребального инвентаря кобанской культуры исследователи выделяют несколько социальных слоев, которые представляли власть и знать в кобанском обществе. Все исследователи социальной структуры при выделении тех или иных слоев опираются на могильный инвентарь. По могильному инвентарю выделяются 4 слоя потестарной структуры кобанского общества: войны-жрецы, занимающиеся военным делом и выполняющие идеологические функции, хранящие традиции и знания предков, конная аристократия, пешая знать и жрецы.

Ключевые слова: Кобанская археологическая культура, социальная структура, войны-жрецы, конная аристократия, пешая знать, жрецы.

This article is devoted to one of the problems of the Koban archaeological culture – the social structure of the Koban society. The publication analyzes the currently available theories regarding the social structure of Koban society. The entire history of the study of the social – potestary structure of the Koban society is analyzed. In the process of studying the sources and grave goods of the Koban culture, researchers identify several social strata that represented power and nobility in Koban society. All researchers of the social structure, when distinguishing certain layers, rely on grave goods. According to the grave inventory, 4 layers of the potestary structure of the Koban society are distinguished: war – priests engaged in military affairs and performing ideological functions, keeping the traditions and knowledge of their ancestors; equestrian aristocracy, nobility on foot and priests.

Keywords: Koban archaeological culture, social structure, war – priests, equestrian aristocracy, nobility on foot, priests.

Воссозданием картины общественного строя кобанской культуры занимался очень узкий круг археологов-исследователей кобанской культуры.

Каждый археолог и историк знает сложность воссоздания общественного строя без письменных источников, тем более, если хронологические рамки исследуемой культуры охватывают период до нашей эры. Но, как писал видный исследователь бронзового века на Северном Кавказе Е.И. Крупнов: «Без письменных источников только на основании анализа памятников материальной культуры пытаться решить вопросы, связанные с освещением общественного устройства, – дело трудное, но небезнадежное» [1, 331].

Е.И. Крупнов одним из первых в российской истории занялся вопросом воссоздания социальной структуры общества раннего железного века на Северном Кавказе.

Хозяйственная деятельность местных родоплеменных групп в начале I тысячелетия до н.э. привела к довольно значительному по тем временам повышению производительности труда и освоению новых методов обработки железа.

Новые веяния приводят к такому «периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, – эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории...» [2, 183].

Могильный инвентарь этого периода показывает нам растущее имущественное неравенство, наблюдаемое чаще в поздних захоронениях. Даже в одном древнем кладбище учреждаются «кварталы» богатых и бедных родов [1, 333].

За счет этих фактов Крупнов утверждает, что еще ранее VI–V вв. до н.э. сформировался и устоялся патриархальный уклад изучаемого общества. С течением времени все более усложнявшиеся взаимоотношения между близкими и далекими племенами и связанный с ними обмен все больше и больше раскалывали родовую общину на две группы – богатых и бедных – и способствовали зарождению родовой аристократии [1, 338].

Из-за высокого социально-экономического развития Е.И. Крупнов считает резонным предполагать наличие у местных племен военных дружин во главе с военачальником [1, 339].

Именно в изучаемом нами периоде (XII–IV вв. до н.э.) военный компонент инвентаря в могильниках кобанской культуры чрезвычайно высок.

С.Л. Дударев в своей работе «Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX–VII вв. до н.э.)» высказывает, что есть возможность утверждать о зарождении военной демократии в связи с богатым погребальным инвентарем и находками бронзовых и железных предметов вооружения и конского снаряжения в мужских погребениях, количество которых многократно возрастает с началом эпохи раннего железа.

Одним из самых богатых погребений по погребальному инвентарю являются захоронения конной аристократии [3, 73]. Погребения конной аристократии с богатым погребальным вооружением и сопровождавшимися костями взнузданного коня или же конской сбруей встречаются в ряде могильников Центрального Предкавказья и Северо-Восточного Кавказа VIII – V вв. до н. э. «Условия железного века ставили человека перед выбором – или покориться более сильному соседу и тем самым оказаться на положении зависимого, или самому обладать железом и тем самым стать более сильным» [4, 17]. Таким образом, С.Л. Дударев на материалах погребального инвентаря показывает нам, что в эпоху раннего железа выделяется верхушка социального слоя кобанцев.

На основе военного компонента Б. Тержан в своей работе «В поисках Медеи – исследование по раннему железному веку Кавказа» делает выводы о высшем слое общества [5]. Б. Тержан берет за основу Тлийский могильник и путем анализа погребального инвентаря, в частности оружия, выделяет несколько групп захоронений.

Так выделяются 3 основные группы погребений с элементами вооружения:

I группа. К первой группе Б. Тержан относит самый многочисленный и значимый слой, для которого характерен наличие кинжала или меча с топором. Вместе с вооружением для этой группы присуще роскошное убранство одеяния: к мужскому костюму относилась одна дуговидная фибула, бронзовый пояс, бусы, бронзовые цепочки, кнопки, пинцет [5, 488].

II группа. Вторую группу Б. Тержан характеризует одним кинжалом, при этом другой погребальный инвентарь, как, например, детали костюма, более скромны.

III группа. Для этой группы, по словам Б. Тержана, характерно на-

личие среди погребального инвентаря топора. Но эта группа более близка к I группе по пышности одеяния [5, 490].

Таким образом, Б. Тержан в своей работе относит I группу (кинжал – топор) к захоронению взрослых воинов высокого ранга («предводители»), II группу (кинжал) относит к захоронению взрослых воинов, но у которых ранг ниже, а III группу (топор) составляли погребения мальчиков и юношей. А.Б. Белинский и С.Л. Дударев исследовали могильник Клин – Яр III, по погребальным материалам которого были выделены 6 условных социальных слоев кобанского общества, 2 из которых являлись привилегированными слоями:

I группа – можно отнести погребения, которые А.Б. Белинский и С.Л. Дударев именуют как погребения конных воинов-дружинников – родовой «аристократии». В этой группе артефактами используются – конская сбруя; от одного до трех видов оружия; от одного до трех бытовых предметов, к которым относятся оселки, железные ножи, шилья и пр.; один сосуд; предметы, украшенные золотом, детали доспеха и парадного костюма – остатки бронзовых чешуйчатых панцирей [4, 73].

II группа – в погребениях данной группы, относимых к «пешей знати», встречаются два вида вооружения, в том числе защитного; несколько украшений – различные бронзовые бляшки, ворворки.

На базе погребального инвентаря, который в свою очередь носил сакральный характер (зооморфные украшения, солярные знаки), А.Б. Белинский и С.Л. Дударев приходят к мнению, что в I тыс. до н.э. не исключено существование особого слоя кобанского общества, которое выполняло идеологические функции и являлось привилегированным слоем кобанского общества – жрецами.

По мнению С.Л. Дударева, несмотря на видное имущественное расслоение в обществе, еще прочные родовые традиции не позволяли образующейся «аристократии» утвердить свой статус в погребальном обряде. Рабочие затраты на воздвижение могил знатных воинов не были заметно более существенными, чем у остальных членов коллектива.

Также С.Л. Дударев приходит к мнению, что динамика социальной дифференциации среди кобанских племен в IX – первой половине VII в. до н. э., особенно выделение «конной аристократии», в большей степени зависела от военно-политического фактора. Кри-

сталлизация верхушечного слоя не была еще достаточно стабильной и быстро прогрессирующей тенденцией.

Следует обратить внимание и на следующую совместную работу А.Б. Белинского и С.Л. Дударева «Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзаный – 2» [6, 9]. Работа полностью посвящена детальному анализу 1 погребения Нарзанного могильника – 2. На основе анализа всего погребального инвентаря исследователи приходят к мнению, что в нем захоронен представитель местной воинской всаднической элиты, «конной аристократии». В составе его погребального инвентаря присутствуют такие знаковые категории находок мужского воинского инвентаря, как предметы конской сбруи; четыре вида оружия: наконечник копья, кинжал, железный молоток, наконечники стрел; «редкие и высоко-престижные» атрибуты воинского снаряжения – бронзовый шлем и пектораль, а также подвеска с золотой плакировкой из тризны.

Эти артефакты подтолкнули к выводу А.Б. Белинского и С.Л. Дударева к интерпретации социального статуса подобных комплексов как захоронения вождей-жрецов. Присутствие в могиле конской сбруи также является индикатором элитарности их статуса.

О появлении социального неравенства в кобанском обществе свидетельствуют и погребения Тлийского могильника, в частности 49 и 267 погребения. Б.В. Техов в своей работе «Тлийский могильник (комплексы IX – первой половине VII в. до н.э.)», говоря о 49 и 267 погребениях, отмечает, что в них заметна степень богатства, которыми они отличались от остальных людей [7, 54]. Автор приходит к мнению, что они, возможно, были представителями скотоводческого рода и к этому виду хозяйства они больше были причастны, чем все остальные.

Самые богатые погребения того или иного могильника прежде всего сопровождаются несколькими видами вооружения. На основе этого факта плеяда исследователей, таких как Е.И. Крупнов, С.Л. Дударев, А.Б. Белинский, В.И. Козенкова и Б. Тержан, относят высший слой кобанского общества к вождям – военначальникам, всадникам. Таким образом, исследователи выделили 4 социально-потестарных слоя кобанского общества, которые обладали признаками власти и отличались богатством погребального инвентаря:

1) Воины-жрецы, занимающиеся военным делом и выполняющие идеологические функции, хранящие традиции и знания предков. Характерный погребальный инвентарь для данной подгруппы следующий: наличие двух или одного военного инвентаря; наличие скипетра, символизирующего власть и авторитет у погребенного; один или несколько предметов, обладающих сакральным характером.

2) Конная аристократия представлена захоронениями, которые определяются как погребения конных воинов-дружинников – родовой «аристократии». В этой группе используются: конская упряжь; от одного до трех видов оружия; от одного до трех видов орудий повседневного быта: оселки, железные ножи, шилья и пр.; один или несколько сосудов; предметы, украшенные золотом, детали доспеха и парадного костюма – остатки бронзовых чешуйчатых панцирей (I группа по С.Л. Дудареву и А.Б. Белинскому) [4, 73].

3) Пешая знать – в могилах этой группы попадаются два вида вооружения, в том числе защитного; несколько украшений – различные бронзовые бляшки, ворворки (II группа по С.Л. Дудареву и А.Б. Белинскому) [4, 73].

4) Обычные жрецы, выполняющие мелкие идеологические функции, связанные с переводом душ и врачеванием. Характерный погребальный инвентарь для данной подгруппы таков: наличие статуэток или в целом предметов, символизирующих одну из уровней вселенной (Древо жизни).

На данном этапе изучения социальной структуры кобанского общества можно утверждать, что расслоение кобанского общества начинается уже в I тыс. до н.э. Потестарный слой кобанского общества представляли вожди-военноначальники, конная аристократия, пешая знать и обычные жрецы. Их роль и власть проявлялась в зависимости от потребностей в обществе.

Эти слои общества начинают проявляться, возможно, в связи с появлением внешней угрозы от скифских племен. Социальная структура кобанского общества мало изучена исследователями и, соответственно, есть возможности для расширения изучаемого вопроса новыми данными, которые были получены благодаря увеличению исследований археологических памятников кобанской культуры на Северном Кавказе, а также привлекая новые достижения политической антропологии.

1. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа // Институт Археологии. М.: Академия наук СССР. 1960. 520 с.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат. 1947. 288 с.
3. Сборник научных работ: Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения // Международная академия информатизации. М.: Илекса. 2011. 558 с.
4. Дударев С.Л. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на центральном предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.). Грозный. 1984. С. 15–30.
5. Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы IX – первой половине VII в. до н.э.). Том 2. Тбилиси: Мецниереба. 1981. 74 с.
6. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный – 2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение. М.: Памятники исторической мысли. 2014. С. 181–216.
7. Тержан Б. В поисках Медеи – исследование по раннему железному веку Кавказа // Российский археологический ежегодник. № 2. М., 2012. С. 507–516.

III. ФИЛОЛОГИЯ

**О.А. Дигоев,
магистрант,
СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

ЖАНР ФРОНТОВОГО ОЧЕРКА В ТВОРЧЕСТВЕ М.Н. ЦАГАРАЕВА

В статье рассматривается жанр фронтового очерка в творчестве известного осетинского писателя Максима Николаевича Цагараева (1916-1990). Объектом исследования становится цикл военных очерков, составивших книгу «Хурныгуылæны» («На Западе», 1947). Автор анализирует идейно-художественное своеобразие произведений, рассматривает образ героя-повествователя. Военные очерки М. Цагараева документальны, художественны, образ главного героя показан достоверно. Большое внимание в статье уделяется стилю очерков. Он колоритен, речь персонажей характеризует их национальную принадлежность. Несмотря на то, что анализируемые произведения посвящены военной тематике, язык очерков насыщен изобразительно-выразительными средствами, идиомами. Автором статьи рассматриваются внесюжетные элементы, способствующие раскрытию характера персонажей. Для создания характера своих героев автор использует портрет, описание быта, обстановки, пейзаж, внутренний монолог.

Ключевые слова: осетинская литература, М.Н. Цагараев, проза, жанр очерка, образ.

The article deals with the genre of front – line essay in the works of the famous Ossetian writer Maxim Nikolaevich Tsagaraev (1916 – 1990). The object of the study is a cycle of military essays that made up the book «Khurnyguylæny» («In the West», 1947). The author analyzes the ideological and artistic originality of the works, considers the image of the hero – narrator. Military essays by M. Tsagaraev are documentary, artistic, the image of the protagonist is shown authentically. Much attention is paid to the style of the

essays. It is colorful, the speech of the characters characterizes their national identity. Despite the fact that the analyzed works are devoted to military topics, the language of the essays is saturated with figurative and expressive means, idioms. The author of the article considers extra – plot elements that contribute to the disclosure of the nature of the characters. To create the character of his characters, the author uses a portrait, description of life, environment, landscape, internal monologue.

Keywords: *Ossetian literature, M.N. Tsagaraev, prose, essay genre, image.*

Тема Великой Отечественной войны широко представлена в осетинской литературе. В годы войны литература отражала суровую и героическую правду, став, по мнению Алексея Толстого, «голосом героической души народа» [1, 296–297]. Духовный мир народа, противостоящего фашизму, был главным объектом отражения в произведениях осетинских авторов. Каждодневный подвиг осетина на фронте и в тылу показан в произведениях и Максимом Николаевичем Цагараевым. Как известно, он сам был активным участником Великой Отечественной войны, героически проявив себя в боях под Сталинградом, Орлом, Будапештом. За боевые подвиги М. Цагараев награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды и несколькими медалями.

Еще в коллективном сборнике «Мы любим» (1940) М. Цагараевым отражены тревожные раздумья о войне и мире. Лирический герой, а с ним и сам молодой поэт, «приносит Родине клятву верности – если грянет война, он наденет солдатскую шинель и встанет на ее защиту» [2, 5] (стихотворения «Клятва», «Письмо пограничника», «Наша Красная Армия»).

Так и произошло. С первых дней войны М. Цагараев в рядах Красной Армии защищал нашу Родину. И там, на фронте, писатель не оставлял творчество. Суровая правда жизни требовала от писателя достоверности описываемых фактов и явлений. Поэтому М. Цагараев обратился к другой художественной форме – жанру очерка. О героических подвигах советских воинов он рассказал в очерках, включенных в книгу «Хурныгуылæны» – «На Западе» [3], вышедшую уже после войны в 1947 г. В основу книги легли фронтовые записи, которые писатель вел на войне. Книга состоит из 12 очерков, которые объединяет образ главного героя. Каждый очерк – это эпизод из фронтовой жизни героя-рассказчика.

Произведения М. Цагараева выдерживают все признаки жанра – очерки документальны, в то же время и художественны, описываемые автором события – достоверны. Военный журналист, от лица которого ведется повествование, странствует по войне и воочию наблюдает происходящее вокруг. Трагичность ситуации, смерть, царившую вокруг, читатель воспринимает его глазами. Профессионал слова, он не только видит трагедию, но способен ее передать. Подобный облик героя-фронтовика, на наш взгляд, позаимствован М. Цагараевым из русской литературы. Прекрасные примеры героя-очеркиста мы видим в творчестве Исаака Бабеля – это Кирилл Лютов из книги «Конармия», Александра Твардовского – Василий Теркин из одноименной поэмы, в военных очерках Михаила Шолохова и т.д.

Герой-рассказчик подробно описывает свой славный, но тяжелый путь по венгерской земле. Книгу очерков яркого представителя соцреализма в осетинской литературе [4, 84] М. Цагараева «На Западе» можно назвать путевыми заметками фронтового журналиста или репортажем с переднего края. Временной охват событий в произведениях – это пять месяцев, которые герой-рассказчик провел в гвардейских соединениях героя Отечественной войны Иссы Плиева. Автор сосредотачивает свое внимание на сражениях за освобождение Румынии и Венгрии. Творческая история написания очерков проста и банальна. Автор, прежде всего, хотел поделиться с читателем виденным, показать картину военных событий, раскрыть характеры людей, героически освобождавших землю от фашизма. Поэтому М. Цагараеву «не надо было ломать голову, чтобы выбрать эпизод поярче, а характеры поколоритней. На его глазах совершался всенародный подвиг, в котором участвовали миллионы. Они просто, по-солдатски переносили боль, отрекались от всего дорогого, жертвовали собой ради победы» [2, 6]. Но в очерках показан героизм не только советского солдата, но и мирного населения, которое своим каждодневным трудом приближало победу, отдавало жизнь за свою свободу, за свободу своей Отчизны. Тут вспоминается образ матери-старушки из очерка «Цины цæссыгтæ» – «Слезы радости». Зная о смерти единственного сына, она все равно, рискуя своей жизнью, приносит в дело победы пользу – прячет у себя в доме советского солдата, летчика. Хоть произве-

дение и оканчивается оптимистично – мать находит своего сына, которого считала долгое время убитым, все равно очерк поражает читателя своим драматизмом, держит в напряжении до последней страницы.

В героях М. Цагараева нет ничего необыкновенного. Их каждодневный подвиг воспринимается ими как должное. Тут вспоминаем и смелую Сару Залееву из очерка «Осетинская девушка», которая повстречалась писателю где-то над Тиссой. Подвиг хрупкой осетинки-врача показан без особого пафоса. Обыкновенным рисуется ее подвиг во спасение умирающего офицера Гуртова. Ночь, раздиравшаяся взрывами, и хрупкая девушка, пытающаяся преодолеть ночной путь от хутора Абгонетова до Уманцова. Ее тяжелое ранение – не повод остановиться. Победоносный путь продолжен. Никак иначе. Равнозначные подвиги совершают рядовой Новыченко (очерк «Курган Новыченко») и лейтенант Косенко (очерк «Ради славы грядущего»), смело идущие против врага на верную смерть. Но героини М. Цагараева – не фанатики, которые могут только воевать, им не чуждо понимание прекрасного. Так, героиня очерка «Жить хочется...» Бимболат Кочкарев после ожесточенной схватки, в которой он едва не погиб, первое, о чем он вспоминает, – это волшебная скрипка. «Юноша – музыкант, – пишет С. Марзоев, – и в минуты короткой передышки смягчает искусной игрой хмурые лица усталых солдат. Он предан музыке, но не теряет и в ратном деле. А впрочем, трудно сказать, жажда подвига или любовь к прекрасному крепче сидит в Бимболате» [5, 357–358]. Другой герой М. Цагараева Асланбек из очерка «Осетинская лира» шел в бой так же, как и Бимболат с песней, с книгой стихов Коста Хетагурова «Осетинская лира». Стихи знаменитого земляка помогали ему в борьбе с врагом, были своего рода талисманом на поле битвы. Героям очерков близка музыка стиха, скрипки, песня, но не рев орудий, не грохот танков или свист бомб.

Особое место в очерках М. Цагараева занимает образ Иссы Плиева. На передний план автор выводит не Иссу Плиева – великого полководца, а отражает его человеческие качества, показывает его отношения с однополчанами. И любит его рядовой солдат за умение сострадать, за его человечность. Не внешность важна, по мнению писателя, а духовная красота. И поэтому автор, делая лишь от-

дельные штрихи во внешности Плиева, переходит к описанию его внутренних качеств.

Небольшой очерк «Здесь погиб лейтенант С. Кодзаев» отличается от других произведений, составивших цикл, большей глубиной, в произведении всесторонне показан образ героя, прежде всего, детальнее передается его душевное состояние. В очерке М. Цагараева лиризм переплетается с драматизмом повествования. Симон Кодзаев, которого долгое время считали умершим, сам рассказывает позднее нашему герою-рассказчику историю своего героизма. Несмотря на то, что он был в шаге от смерти, в его сознании ни на минуту не возникает мысль спрятаться, сохранив таким образом свою жизнь. Вот такие герои, как С. Кодзаев, по мнению автора, и ковали великую победу. «Лейтенант Симон Кодзаев не сгорает в подожженном танке, воскресает из мертвых, партизанит и снова садится в танк, только бы добраться до фашистского логова, дожить до победы. Этой думой живут все герои книги «На Западе». За спиной Сталинград, впереди Берлин. Только этот путь приведет к родным очагам, и пливцы идут по нему, побеждая смерть» [2, 8].

М. Цагараев показывает нам людей труда, только в ответственный и тяжелый для жизни и страны момент они вынуждены взять в руки оружие. Поэтому автор не подчеркивает в образах своих героев особенную героичность. Он уверен, когда отгремит гроза, каждый из них вернется к созиданию.

В очерках М. Цагараев стремится сочетать объективное изображение с рассказом о мужестве бойцов. По мнению исследователя творчества М. Цагараева Дж.Г. Мамиевой: «У Цагараева основной жанр – «канонический» очерк: он насыщен лирическими отступлениями и публицистически заострен. В очерках писатель уделяет особое внимание созданию героического характера: «Холм Новиченко» («Новыченкойы къуыбыр»), «Здесь погиб лейтенант С. Кодзаев» («Ам фæмард лейтенант С. Хъодзаты»), «Во имя будущего» («Нæ сомбоны кадæн»). В центре очерков – человек с его внутренним миром и переживаниями; черты индивидуальной психологии, присущие другим произведениям, в этих очерках отсутствуют» [6, 29]. Писатель отображает в очерках коллективный образ народа, передает их настроение, психологию.

В очерках, с одной стороны, показано выполнение ответственного боевого задания целым коллективом: «Я жить хочу», «Миша на охоте». Но и в этих очерках автор сосредотачивает свое внимание на индивидуальном характере героев, показе вклада каждого в общее дело (танкист Бимболат Кочкарев, повар Миша). В ряде очерков объектом изображения М.Н. Цагараева становится судьба отдельного человека в годы войны: «Эскадрон депутата», «Первая встреча». Фронтной путь командира показан на примере судеб И. Плиева, С. Кодзаева, Б. Кадиева. Автор ценит их за нравственность, гуманизм, осмысленность поступков. Для создания характера своих героев автор использует портрет, описание быта, обстановки, пейзаж, речевую характеристику, внутренний монолог. Важную роль при этом играет позиция самого автора.

Большое внимание М. Цагараев уделял стилю очерков. Индивидуальный стиль писателя узнаваем. Он колоритен, речь героев характеризует их национальную принадлежность. Об этом пишет Дж. Мамиева в своей диссертации, посвященной прозе М. Цагараева: «Язык героини очерка «Осетинка» («Ирон чызг») Сары Залеевой неразрывно связан с ее национальной и социальной принадлежностью. Патриотическими словами насыщена речь Цагараева и его героев: часто эти слова и выражения обретают глубокий смысл, некоторые из них становятся солдатской поговоркой: «Зын у мæлын – уæлдайдæр та æцæгæлон бæстæйы» («Тяжело умирать – особенно на чужбине»); «Мæлæт тæппуд адæймагыл куы сæмбæлы, тыхджындæр уæд вæйы» («Смерть больше выбирает трусов»). Писатель широко использует и исконно народные пословицы и поговорки: «Кæй уæрдонь бадай, уый зарæг кæнын хъæуы» (букв. «В чьей арбе сядишь – тому и подпевай»); «Дæ зæрдæйы цы уа, уымæн дын иу хатт де ‘взаджы кæронмæ æнæ схаугæ нæй» (букв. «То, что у тебя на сердце, рано или поздно вылетит с кончика языка») [6], «Кæй кой кæнай – къæсæрмæ» (букв.: «Тот, о ком говорят, судачат – на пороге»; в значении: «Легок на помине») и др.

Произведения Цагараева выполнены, на наш взгляд, мастерски. Очерки писателя читателя держат в напряжении. Произведения драматичны, им присуща острота, цельность, законченность и простота фабулы, естественность рисуемых ситуаций. «Военные очерки М. Цагараева пронизаны лиризмом и юмором. Писатель говорит не

только о доблести и храбрости воинов, но с подкупающей теплотой изображает их душевную красоту. Его герои презирают смерть, они любят жизнь и умеют бороться за нее (очерк «Я жить хочу»)» [7].

Таким образом, в очерках, вошедших в книгу «На Западе», М. Цагараевым отражен не только каждодневный подвиг советского солдата, но и раскрыт его внутренний мир, показана духовная красота патриотов, способных пожертвовать собой во благо мира на земле. М. Цагараев воспевает интернационализм, высокие моральные качества народа, победившего фашизм.

---

1. Толстой А.Н. Военная публицистика. М.: Военное издательство, 1984. С. 296–297.

2. Марзоев С.Т. Максим Цагараев. Очерк творчества. Орджоникидзе, 1960. 28 с.

3. Цæгæраты М. Хурныгуылæны. Дзæуджыхъæу, 1947. 264 ф.

4. Фидарова Р.Я. Социалистический реализм в осетинской литературе 60 – 80-х годов XX века: вопросы теории // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 32 (71). С. 81–91.

5. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. 420 с.

6. Мамиева Дж.Г. Поэтика прозы М.Н. Цагараева: жанр, композиция, стиль. Дисс. ... канд. филол. наук, Владикавказ, 2010. 203 с.

7. Ардасенов Х. Осетинская литература периода Великой Отечественной войны [электронный ресурс]. URL: <http://osetins.su/411-osetinskaja-literatura-perioda-velikojj.html>

З.Х. Догузова
н.с. ЮОНИИИ им. З.Н.Ванеева,
(г. Цхинвал, Республика Южная Осетия)

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются лексико-семантические архаизмы, а также развитие значений слов в синхронном срезе современного осетинского языка.

Ключевые слова: осетинский язык, устарелость слов, лексико-семантический, семантика.

This article discusses lexico – semantic archaisms and the development of word meanings in the synchronous section of the modern Ossetian language.

Key words: the Ossetian language, lexical – semantic archaism, obsolete word meaning.

Проблема функционирования устаревших и непродуктивных форм в языке с точки зрения синхронии всегда является актуальной: изучение процесса архаизации важно как средство сохранения непрерывности культурных традиций и духовной связи поколений. С позиции исторического развития явление архаизации универсально для всех языков, так как в синхронном срезе любого языка есть устаревшие единицы, хотя в языковой системе их не может быть, поскольку язык как система неизменяема и неподвижна [1, 26].

Традицию изучения и классификации устаревшей лексики в отечественной лингвистике связывают с именем Н.М. Шанского. Эта классификация и легла в основу наших изысканий. По определению ученого, устаревшими считаются «слова, вышедшие из активного и повседневного употребления, но все же широко известные и в меру надобности в некоторых речевых ситуациях используемые» [2, 312].

Изменения уклада жизни осетин, развитие новых реалий в последние два столетия привели к пассивизации и архаизации целых языковых ярусов; устаревание языковых единиц обусловлено рядом лингвистических и внелингвистических причин, среди которых:

- 1) утрата реалий и связанных с ними процессов и действий;
- 2) перестройка общественных и социальных отношений;

3) изменение состава носителей языка;

4) ослабление языковой преемственности поколений под влиянием двуязычия.

По наблюдениям, в осетинском языке наиболее подвержены архаизации (или пассивизации) лексические единицы следующих тематических групп:

1) орудия труда, их механизмы и части: *дзомс* «инструмент для очищения лемеха плуга»; *пох* «грядиль плуга»; *похци* «борона»; *дзыргъа* «нож плуга, сошник»; *æхсырф* «серп»; *найдзаг* «ремень или веревка, которыми во время молотбы привязывают животных друг к другу» и т.д.;

2) средства передвижения и их части: *уæрдон* «арба повозка»; *уæрдонамбæрзæн* «покрывало для подводы»; *æхтонг* «подпруга»; *сæманласæн* «деревянные рессоры арбы»; *багалæг* «арба, телега с широким кузовом (для перевозки сена)»; *уидадз* «поводья» и т.д.;

3) лексика промыслов и ремесел: *уæрдын* «катать, мять (сукно или войлок)»; *æрцындз* «иголка с трехгранным острием для шитья кожаных подошв»; *æлвисæн* «прялка»; *æлвисын* «прясть»; *æлхуи* «веретено» и т. д.;

4) (частично) одежда, обувь, ткани и связанная с ними лексика: *уæфт* «ткань»; *уæфсаг* «сыромятная кожа для подошвы»; *æрчъи* «обувь из сыромятной кожи»; *æрчъиаг* «кусок сыромятной кожи для «æрчъи»»; *æрчъибос* «ремешок из сыромятной кожи для завязывания «æрчъи»»; *æрчъирæхсæн* «узкая полоска сыромятной кожи, которой шивают «æрчъи»»; *уæрагбæттæн* «подвязка для чулок»; *æлдыгъдзыд* «дубленый»; *цикъæ* «мадаполам»; *сгæллад* «сукно» и т.д.;

5) предметы старинного быта: *лалым* «бурдюк»; *уæхсдж* «кормысло»; *сивыр* «небольшое корыто с дырочками в середине»; *сæнар* «кизяк (спрессованный навоз, употребляемый как топливо)»; *æлæм* «алам, фрукты сладости, нанизываемые на нитку и привязываемые к ветке наподобие знамени или надеваемые на себя»; *хъуылæг* «маслобойка» и т. д.;

6) постройки и их части: *аххæрæг* «главная поперечная балка в потолке»; *астæр* «облицовка, накладка»; *астæрын* «мостить, выстилать»; *хъуари* «дранка, тёс, особый лес для покрытия крыши» и т. д.;

7) продукты питания, кушанья (частично): *æууæрцъы* «комоч мятой молодой крапивы»; *лакъами* «пирог с начинкой из сладкого со-

лода»; *æхсæмбал* «шашлык из бараньих внутренностей»; *быламышъ* «мучная похлебка»; *æмыс* «блинчик из кукурузной муки, сыворотки и сала» и т. д.;

8) лексические единицы, обусловленные общественными отношениями: *улуна* «зарплата, оклад»; *уоли* «начальник, правитель, глава»; *æхсин* «госпожа, барыня, княгиня»; *саулæг* «человек низшего сословия»; *цурыбадæг* «повитуха» и т. д.;

9) названия трав и растений: *æрцъыхъæд* «репейник»; *дзылакъуы* «горный лук»; *куыдзы бага* «паслён»; *æлвас* «овсяник луговой»; *хъумбала* «мать-и-мачеха» и т. д.;

10) анатомическая и медицинская лексика (частично): *ласæггаг* «пищевод»; *уæрагсæттæн* «коленный сустав»; *хæцъæфы уæфтæг* «мышечная ткань»; *æхсинаг* «менструация»; *æхх* «подъем стопы»; *ахсæндзæг* «желудочек»; *къæмисæнтæ* «виски» и т. д.

Как правило, устаревающее слово проходит несколько этапов «старения». В первую очередь, слово из активного словарного состава переходит в пассивный словарь, то есть снижается частотность его употребления в речи. На данном этапе оно еще понятно носителям языка, знакомо им по речи более взрослого поколения, но молодежи (особенно в городской местности) оно уже неизвестно. Например, слово *уæрдон* «арба» понятно почти каждому взрослому носителю осетинского языка, но в речи возникает все реже (из-за редкого использования данного предмета в быту). Стало быть, *уæрдон* постепенно переходит в разряд архаизмов. О полном исчезновении данного слова говорить еще рано, оно будет «жить» в литературе, пословицах, поговорках и т. д.

Есть в языке и такие слова, которые уже непонятны большинству носителей языка. Об их широком распространении в прежних формах языка свидетельствуют их многочисленные производные в разных разрядах лексики языка, сохранившиеся в сложных словах, в устойчивых сочетаниях и фразеологизмах. Они известны только лингвистам, исследователям или лицам, интересующимся историей языка. Такие слова обычно не включаются в толковые словари, их место – в историко-этимологических или исторических словарях. Н.М. Шанский называет их «старинными словами». К примеру, такие слова осетинского языка, как *аггæл* «присматривающий за общественным котлом», *æрчъи* «обувь из сыромятной кожи», *гутон*

«пруг», *уоли* «правитель», *æмцег* «воспитатель», *гæрзхор* «единица измерения длины» и т. д., вышедшие из активного употребления, но входящие в словарный состав осетинского языка, в его пассивный запас. Они и относятся к более старому пласту осетинской лексики.

Проблемы семантических сдвигов занимали ученых еще с древности. Теоретические основы изучения этого вопроса заложены в трудах известных лингвистов. Первые фундаментальные исследования по этому вопросу были написаны К. Рейзигом (1839), М. Бреалем (1899), Г. Паулем (1880), Л. Блумфильдом (1933) и другими крупными лингвистами в области лексикологии.

В языке устаревает не только лексика – архаизации подвержены все языковые уровни. В этой связи архаизмы разделяют на *собственно лексические, семантические, фонетические, синтаксические, грамматические и словообразовательные*.

В статье ограничимся рассмотрением разряда семантических архаизмов в современном осетинском языке. Н.М. Шанский определяет семантический архаизм как устаревшее значение какого-либо слова; согласно другим лингвистам, лексико-семантический архаизм – это «слово, сохранившееся в современном языке, но употребляемое в устаревшем значении» [3,30].

Развитие или изменение лексического значения слова происходит в результате появления новых значений и утраты старых. На различных уровнях языка зеркально отражается все то, что достигнуто и пережито народом, носителем языка, в течение всей его истории. Появление новых реалий влечет за собой появление новых слов. Изменяется и семантическая структура слова. Ряд значений слов исчезает, появляются новые, и в результате меняется соотношение между значениями слова. Вторичные значения часто вытесняют первичные.

Семантические архаизмы осетинского языка широко представлены в литературных текстах, описывающих прошлые эпохи жизнеустройства предков осетинского народа. Они достаточно многочисленны и разнообразны по оттенкам архаичной семантики. Эти устаревшие значения доступны носителям лишь в общих чертах, в то время как конкретное их значение требует более глубокого знания языка и быта описываемой эпохи. Так, из современного языка вытеснены первичные, устаревшие значения слова *чиныг* «книга». В

результате семантического сдвига его первичные значения – «письмо», «документ», «рукопись» – отошли на задний план и уже не известны современному носителю. Ср. *Мæ фыртæй чиныг райстон* «получил письмо от сына»; *сомихагæн чиныг ныффыстой дæс æмæ ссæдз туманыл* «написали армянину расписку на тридцать туманов» (Сека Гадиев).

Ещё пример. Первоначальное значение современного слова *æфсымæр/ævsytæp* «брат» – «родной» (букв. единоутробный) из *æм* – *сывæр* (букв. со-утробный), где *сывæр/сывæр* «матка, утроба» – устаревшее слово, вытесненное современным *зæнæгдон/зæпæгдон* с тем же значением. Это привело к распаду некогда единого корневого гнезда, образованного на базе данной лексемы. Но благодаря авторитетным словарям легко объясняется этимологическая связь с производными – *æфсымæр* «брат» (*æм* – *сывæр*); *сывæллон* «ребенок» (*сывæрр* – *он*) – с закономерными фонетическими изменениями; *сывæрджын* «беременная» (*сывæр* – *джын*); *сывæрфиу* «внутренний жир» (*сывæр* – *фиу*); *Хуца æмæ йе 'фсымæртæ хорз зыдтой, сæ иунæг æфсымæр хойы сын æнæфæхудинаг кæй нæ ныууагътаид, уый* «Хуца и его братья хорошо знали, что он не оставил бы не опозоренной их единственную родную (букв. единоутробную) сестру» (Сека Гадиев). В процессе развития адъективная лексема *æфсымæр/ævsytæp* субстантивировалась и заместила общеиндоевропейское слово *æрвад/ærvad* в значении «брат», которое «имело у осетин, в условиях родового строя, более широкое значение: «родич», «член того же рода». Для выделения понятия родного брата было создано слово **æmsyvær|ænsuvær* [4, 205].

В процессе исторического развития слова обслуживают разные понятия. Обычно у старых слов с большой историей бывает несколько значений. Например, словом-историзмом *уæздан/wæzdan* первоначально называли человека благородного сословия – «дворянин», «аристократ». *Мыггагæй мæ ма фæрс – уæздан лæг нæ дæн.* – Не спрашивай меня о моем происхождении – я не дворянин. (Коста. «Чи дæ?»). Но в феодальной Осетии, когда классовые различия утратили свою актуальность, слово приобрело адъективные значения «благородный», «вежливый», «изящный», «изысканный», «учтивый», «деликатный». К примеру, *уæздан згъæртæ* «благородные металлы»; *уæздан хъуымæцтæ* «дорогие натуральные ткани»; *уæздан дзуанп*

«вежливый ответ» [5,420]. *Уæздан уазæг домаг æмæ зынæрвæссон нæу.* – Деликатный гость не требователен и не брезглив («Мах дуг», 2004, №4 – 5). Нам остается добавить, что с учетом всех семантических изменений в процессе исторического развития слово *уæздан* в современном языке следует считать семантическим архаизмом.

Лексема *къус* в современном осетинском означает «миска», «чаша» (не для питья). Как показывают литературные иллюстрации, в прошлом *къус* употреблялось для питья воды и других напитков, например, *хæдзармæ уазал доны къус дæр нæ хæссы.* – «Он даже чашу холодной воды не приносит домой» (посл.); *«Уæд та дон ахуыпп кæн!» – Æмæ йын къусы мидæг дон авæрдта (Дыса) «Тогда хоть выпей глоток воды!» – И она подала ей в чашке воды» (Сека Гадиев. «Азау»). Однако в современном узусе слово *къус* в значении «кружка, чашка» (для питья) уже не употребляется. Современные носители языка для обозначения данного предмета быта (особенно в городской местности) пользуется русским словом «чашка, кружка». *Иу чашка мын цай сараз* «сделай мне чашку чая», но не **иу къус ма мын цай сараз.* С позиции синхронного состояния слово *чашка* представляет в осетинском языке лексическую лакуну: в современном языке данный предмет быта не имеет названия. *Къус* же, в свою очередь, в современном языке приобретает черты семантического архаизма, поскольку в значении «чашка», «кружка» (для питья) практически не используется.*

К разряду семантических архаизмов тяготеет и слово *фæдис* в значении «тревога». Оно претерпело значительные преобразования в семантике. Морфологически членится на *фæд/фæд* «след» и *ис/ис* – основа глагола *исын/исун* «брать» (букв. *взятие следа*). По В.И. Абаеву, «первоначально речь шла, очевидно, о военной тревоге при нападении, набеге с последующей погоней «по следу» неприятеля. Со временем *fædis* распространилось на любую тревогу: при пожаре, наводнении, несчастном случае и пр.» [6,429].

К примеру, лексема *дамгъæ* ранее употреблялась в значениях: «клеймо»; «знак»; «метка»; «родовой фамильный знак»; «печать»; «след»; «отпечаток»; «татуировка»; «влияние». С появлением письменности за ним закрепилось новое значение – «буква, знак письменности». Эта семантика и стала первичной для слова, вытеснив остальные на задний план.

Весьма многочисленны и разнообразны по оттенкам устаревших или пассивных значений лексико-семантические архаизмы в текстах Нартовских сказаний. Приведем некоторые из них:

Дысон иу суангыл цуаны ацыдтæн, æмæ иу хъуг – саг мæ разы фæвзæрдис. – «Пошел я на охоту по одному горному склону, и передо мной появилась самка оленя». *Хъуг /саг/* используется не в прямом узувальном значении «корова», а в непривычном для современного носителя значении «самка». Стало быть, лексема *хъуг* в прошлом языке имело еще значение «самка». Современный осетинский для обозначения данного денотата пользуется лексемой *сыл /саг/*.

Сосланæн йæ фосимæ ис дыууæ цъæх фыры. – «У Сослана в отаре есть два серых барана». Такие характерные для эпохи семантические архаизмы, как *цъæх* в значении «серый» в современном значении «зеленый» (реже «синий») придают тексту эпоса заметный оттенок старины, но в то же время понятны и доступны современному читателю.

Таким образом, анализ лексем, употребляемых в узусе в одном значении, а в литературных текстах в другом, дает возможность выявить некоторое количество лексики из разряда лексико-семантических архаизмов, позволяя накопить сведения о семантической эволюции слов в современном осетинском языке.

-
1. Вардуль И. Ф. Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. 342 с.
  2. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Либроком, 2013. 312 с.
  3. Розенталь Д.З., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
  4. Абаев В.И. В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II. 196; 197; 198.
  5. Осетинско-русский словарь. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.
  6. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л. – М., 1958. Т. I, С. 544; 201; 205; 110; 429.

Л.Дз. Плаева,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ОБРАЗ СОЛДАТА В ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ ГРИША ПЛИЕВА

В статье рассматривается образ лирического героя в военной лирике известного осетинского поэта Гриша Дзамболатовича Плиева (1913-1999). Объектом исследования становятся наиболее известные поэтические произведения автора, написанные в военные и послевоенные годы: «Сказание о победе», «Письмо домой», «Солдатские слезы», «Солдат». Субъект лирической речи в произведениях показан автором всесторонне. Лирический герой Г. Плиева – воин, патриот, труженик, гуманист, философ. Образ солдата в лирике Г. Плиева создается на основе жизненного опыта самого автора, поэтому в произведениях тонко очерчен его внутренний мир. отождествление личности поэта и лирического героя подтверждается анализируемыми стихотворениями. Г. Плиев показывает образ солдата сквозь призму пережитого. Автор скуп на восторженные эпитеты, образ представлен без гиперболизации. Раскрытию образа солдата способствуют портретная характеристика, пейзаж, внутренний монолог.

Ключевые слова: осетинская литература, Г. Плиев, военная лирика, лирический герой.

The article deals with the image of a lyrical hero in the military lyrics of the famous Ossetian poet Grisha Dzambolatovich Pliev (1913-1999). The object of the study is the most famous poetic works of the author, written in the war and post-war years: «The Legend of Victory», «Letter Home», «Soldier's Tears», «Soldier». The subject of lyrical speech in the works is shown by the author comprehensively. The lyrical hero of G. Pliev is a warrior, patriot, hard worker, humanist, philosopher. The image of a soldier in the lyrics of G. Pliev is created on the basis of the life experience of the author himself, therefore his inner world is subtly outlined in the works. The identification of the personality of the poet and the lyrical hero is confirmed by the analyzed poems. G. Pliev shows the image of a soldier through the prism of the experience. The author is stingy with enthusiastic epithets, the image is presented without exaggeration. Portrait characteristics, landscape, internal monologue contribute to the disclosure of the image of a soldier.

Keywords: Ossetian literature, G. Pliev, military lyrics, lyrical hero.

Гриш Дзамболатович Плиев – осетинский поэт, драматург, переводчик [1] и великий патриот, верой и правдой служивший Отчизне.

Мировоззрение, его духовные искания отображены в его лирических произведениях. Яркие черты характера, высокие человеческие качества нашли отражение в поэзии Гриша Плиева. Особое место в его поэтическом творчестве занимает военная лирика, в которой автор запечатлел неповторимый образ настоящего солдата, бойца за мир.

В военное и послевоенное время Г. Плиевым было написано немало лирических произведений на военную тему. Самые известные и значительные из них: «Уæлахизы кадæг» («Сказание о победе»), «Цом, фæцæуæм!» («Пойдем!»), «Фæраз, салдат!» («Терпи, солдат!»), «Салдаты цæстысыгтæ» («Солдатские слезы»), «Акъоппы» («В окопе»), «Фыстæг хъæмæ» («Письмо домой»), «Ма ку» («Не плачь»), «Атакæ» («Атака»), «Хæцæны» («На поле боя»), «Салдат» («Солдат»). Поэзия Г. Плиева, по справедливому замечанию И.В. Мамиевой, явилась вершинным достижением осетинской военной лирики [2, 129]. И, несомненно, представленные стихотворения занимают в ней особое место.

Глубоко отражает внутренний мир поэта его стихотворение «Цардуалдзæг» («Весна жизни»), написанное в 1941 г. Автор раскрывает в нем свое отношение к миру: благословляет он тот день, когда человек появился на земле.

*Дуне райы! Сау фыдæхсæв адаргъ,
Хур, рæсугъд сывæллонау, кæсы,
Уæ, маæ бон, куыд адджын мын у а цард!
Авгау ын æрхауынæй тæрсын [3, 41].*

Мир ликует! Черная, тревожная ночь длится,
Солнце, слово красивое дитя, смотрит,
О, мой день, как сладка мне эта жизнь!
Подобно стеклу упасть ей боюсь.

(подстрочный перевод здесь и далее наш – Л.П.)

Любовью к этому миру наполнено данное стихотворение, и на этом чувстве основаны все его последующие произведения, относящиеся к военной лирике. Именно это чувство является основой, на которое Гриш Плиев опирается при показе образа своего героя-солдата.

В том же 1941 г. Г. Плиевым написано другое произведение – «Уæлахизы кадæг». Поэт в начале своего стихотворения отвечает на

вопрос о смысле жизни. Не представляет он свою жизнь без родины и свободы. Гриш Дзамболатович пишет:

Зæххыл рæсугъд цæрынæн фидар
Дыууæ стыр ныфсы ис лæгæн:
Фыдыбæстæ æмæ сæрибар .
Циу цард æнæ сымах? – Ингæн [4, 15]

Чтоб жить красиво (достойно) на земле, несомненно
В жизни человека есть две опоры:
Родина и свобода.
Что жизнь без вас? – Могила (смерть).

«Большой позор – это перед врагом встать на колени», – пишет Г. Плиев. Именно с таким убеждением проходит свой фронтовой путь лирический герой Гриша Плиева.

Отчизна для Г. Плиева – живая. Поэт расставляет ценностные ориентиры, ставя свою Родину в один ряд с самыми близкими для него людьми – родителями. Солдат поэта, познавший эту истину, легко бросается в пекло сражений, так как для него является по-настоящему ценным то, во имя чего он это делает:

*Нæ рухс Цæдис – нæ мад, нæ фыд,
Нæ байрох ис дæхи хъæбултæй
Зынаргъ ныйарæджы рæвдыд,
Æмæ дын ард хæрæм: фыдгултæй
Нæ уыдзæн иунæг дæр æвыд [4, 17].*

Наш светлый Союз – наша мать, наш отец,
Не забыто твоими детьми
Дорогого родителя забота,
И клянемся тебе: из врагов
Невредимым никто не останется.

По произведениям Гриша Плиева видно, что поэт не гиперболизирует способности и некоторые качества своего героя. При создании образа солдата некоторые естественные проявления чувств не являлись для него позорными. Герой произведений Г. Плиева без стеснения признается в беспокойстве, преследующем его перед боями, в постоянном страхе смерти, в усталости. Перед нами предстает не обладающий сверхъестественными качествами герой, а простой солдат, честный и благородный, для которого позором

является не сам страх, а неспособность совладать с этим страхом. В стихотворении «Фыстæг хъæмæ» («Письмо домой») герой Гриша Плиева восклицает:

*Ме 'знагæн ныббардзынæн фыдгæнд,
Фæлæ нæй тæппуд лæггæн тæригъæд!.. [4, 59]*

Моему врагу прощу я злодеяние,
Но нет жалости к трусливому мужчине.

В 1947 г. Гриш Плиев пишет свой знаменитый монолог «Солдат». В это время уже можно было, оглянувшись на все прошлые годы войны и основываясь на конкретно-известные факты, судить о том, каким же оказался представитель осетинского народа в пекле войны. Пройдя тяжелый фронтный путь, поэт объективно, без гиперболизации показывает нам в своем монологе «Солдат» образ осетинского солдата-гражданина.

Монолог «Солдат» стал вершиной всех лирических произведений Гриша Плиева о Великой Отечественной войне. В нем последовательно объединены показ событий войны, душевные страдания и волнения, надежды и думы простого участника великих сражений. Поэт описывает весь путь солдата на войне до падения Берлина. Гриш повествует о событиях и нестерпимых условиях, в которых оказывается солдат, отражает чувства, которые появлялись в его душе. Слезы злости и горечи для героя Гриша Плиева являются неприемлемыми, но это только пока он на войне. Герой останавливает горестные слезы женщин и на проваливах мужчин на фронт. Заводит он для этого дорожную песню осетин, чем способствует тому, что слезы горя сменяются слезами радости. В этом описанном Г. Плиевым поступке выявляется характер настоящего мужчины-горца, а затем и воина, который не допускает слабости в ответственные моменты и вместе с тем вселяет в сердца уязвимых женщин веру и надежду.

Однако в конце пути, на исходе всех битв поэт показывает нам своего героя плачущим. В этот эпизод поэт вложил глубокий смысл. Жестокость войны никогда не искоренит в человеке человечность:

*Фæци ныр хæст... Мæ цæстысыг цæуы,
Фæлæ мыл ма худ, зæрдæ ныронг дур уыд... [4, 77]*
Закончилась теперь война... Моя слеза стекает,

Но надо мной не смейся, сердце доныне было каменным.

Г. Плиев показывает, что никогда не ожесточается сердце настоящего благородного воина. Не очерствело сердце и лирического героя из стихотворения «Салдаты цæстысыгтæ» («Слезы солдата»), прошедшего тяжелый военный путь:

*Йæ зынты фатау цы лæг ацыд,
Ныр уый бæрзæйктулгæй лæууы,
Æмæ салдат, дыууисæдзæдзæд,
Цæхджын цæстысыгтæй кæуы [4, 34]*

Прекрасно перевел это стихотворение на русский язык П. Антокольский. Подтверждение этому соответствующие строки в его переводе:

*Он все прошел. И в миг последний,
Всем горем мира нагружен,
Молчит солдат сорокалетний.
Впервые в жизни плачет он [5, 25].*

Далее шаг за шагом, следуя строкам монолога, раскрывается образ солдата – лирического героя. Перед читателем предстает собирательный образ осетинского солдата. Поэт показывает воина со стойкой душой и крепким характером, который прошел всю войну от начала до конца. Но, несмотря на «сталь», как пишет сам поэт, воин наделен мягким и чутким сердцем. Со «стальной пулей» сравнил Гриш своего солдата [4, 69].

Солдат Г. Плиева – ненавистник войны во всех ее проявлениях. Он презирает всю военную технику и огнестрельное оружие. Не о вооружении мечтает герой-солдат Гриша Плиева, а о настоящей рукопашной схватке лицом к лицу. Этим поэт подчеркнул, что перед нами образ по-настоящему сильного и отважного солдата.

Гриш рассказывает, что в то время, как плоть солдата от усталости спит, душа его мечется по ночам, мысли блуждают в поисках поддержки и сил, которые необходимы ему в очередном сражении. В такие моменты только высокое гражданское самосознание и придает ему силы в бою, наполняет сердце радостью за возможность сражаться с теми, которые покусились отнять человеческую свободу и права.

Солдат Гриша Плиева не только воин и настоящий горец, но и

философ. Долг воина-гражданина – выступить со всеми на защиту своей страны, бороться за свободу, честь и достоинство своего народа. Солдат-философ рассуждает о причинах войны. Он осознал всю сложность войны, причины и цели, ее историческое значение, понял войну как противоборство двух начал – фашистской армии в лице смерти и освободительской советской армии в лице жизни: «Мæлæт уыдис æппæт гæрзтæй дæр ифтонг, фæлæ уыд цардмæ иу хотых – рæстад» [4, с. 74] («Смерть была во всеоружии, но у жизни было одно оружие – правда»). Это главное философское заключение Гриш Плиев вложил в уста своего героя.

Таким образом, герой-солдат в лирических произведениях Гриша Плиева показан всесторонне. Это воин, патриот, труженик, гуманист, философ, человек с богатым внутренним миром. Раскрытию образа солдата способствуют портретная характеристика, пейзаж, внутренний монолог, изобразительно-выразительные средства (сравнения, эпитеты и др.).

---

1. Дзапарова Е.Б. Грис Плиев – переводчик русской классической литературы на осетинский язык // Грис Плиев: поэт, драматург, переводчик. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 127–149.

2. Мамиева И.В. Основные вехи развития осетинской поэзии: имена и тенденции // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61). С. 120–139.

3. Плиты Г. Произведения. Владикавказ: Ир, 2004. 343 с.

4. Плиты Г. Атака. Стихотворения, поэмы, баллады. М.: Менеджер, 1995. 216 с.

5. Плиев Г. Пятый кинжал. Стихи. Баллады. Поэмы. Пер. с осет. Орджоникидзе: Ир, 1972. 130 с.

В.С. Дзарасов,
студент СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

АРД ХÆРЫН – ПРИНОСИТЬ КЛЯТВУ ИЛИ ЕСТЬ ЕЁ? К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИИ

В основном составе словарного фонда осетинского языка представлены лексемы и лексические группы, обозначающие важные реалии, характерные для мировоззрения, культуры и ментальности его носителей. В статье предлагается анализ словосочетания «ард хæрын», детерминирующего клятвоприношение, клятвоприносительные ритуалы и обряды. Описание подобных практик встречается, в частности, в Нартовских сказаниях, которые можно считать хранилищем не только фольклорных образов, сюжетных схем, мотивов, но и конкретного исторического (а соответственно и языкового) опыта, бытовых и психологических реалий осетинского народа. Клятвы и клятвоприношения напрямую детерминированы социально-духовными нормами поведения в обществе, выступают в качестве высшей формы регулирования отношений и договора между героями. Понимание этимологии рассматриваемой лексической группы может дать представления об аксиологии осетинского народа в контексте исторического развития, о мировоззрении осетин.

В статье представлены несколько предпочтительных версий развития семантики как компонентов в частности, так и всей лексико-группы в целом. Задействован обширный языковой, фольклорный, литературный и этнографический материал.

Ключевые слова: клятва, клятвоприношение, осетины, традиции, этимология, словосочетание.

Lexemes and lexical groups denoting important realities distinctive for the mindset, culture and mentality of its native speakers are extensively represented in the main part of the vocabulary of the Ossetian language. The article offers an analysis of the lexical group «ard xæryn», which determines the oath – taking or, presumably, oath – bearing rituals. Such practices are found, in particular, in the Nart sagas, which can be considered a repository not only of folklore images, plot schemes, motives, but also of specific historical (and, accordingly, linguistic) experience, everyday and psychological realities of the Ossetian people. The motive of «oath – sacrifice» forms, along with others, the narrative outline of the cycle of Narts' legends: oaths are directly determined by the socio-spiritual norms of behaviour in society, act as the highest form of regulation of relations and contracts between the characters. Understanding the etymology of the lexical group under consideration can not only present

the axiology of the Ossetian people in the context of historical development and new ideas about the worldview of Ossetians.

The article presents several versions of the development of semantics of both components in particular and the entire lexical group as a whole.

Keywords: oath, oath – taking, the Ossetians, traditions, etymology.

В отдельных случаях этимологический анализ не сводится к исследованию или воссозданию биографии слова. Ретроспективный анализ, восстановление основных этапов истории слова, его изменений зачастую выходит за рамки отдельно взятой лексической единицы и может иметь более широкий характер, быть релевантным для рассмотрения ритуально-обрядовой практики, расширения этнографических знаний.

Несомненна этническая и историческая важность практик, которые репрезентирует в осетинском языке лексическое сочетание *ард хæрын* «клясться, приносить присягу». Особенно ярко это прослеживается в фольклорно-эпическом материале, этнографических заметках и научных трудах.

Доказательством значимости или сакральности *ард хæрын* служит тот факт, что данная лексическая группа зачастую связана и употребляется в сопряжённости как с теми реалиями, которые являются столпами осетинской ментальности и мировоззрения осетин в целом, так и с индивидуально-ценными для героя(ев) понятиями, сущностями, предметами (*Хуыцау, зынг, зæхх, денджыз, дзырд, дзул*). Например, клятву осуществляют «именем» *фынга* (трёхногий стол) – одного из ключевых компонентов аксиологии осетинского народа как в прошлом, так и в настоящем времени: «...Ирон лæггæн йæ хæдзары рæхыс æмæ фынджы хуызæн сусæг миниуджытæй хайджын, табуйаг ницы ис» [1, 106]

Ретроспекция компонентов осетинского словосочетания *ард хæрын* «клясться, приносить присягу» наталкивается на ряд трудностей.

Фонетически оба компонента могли видоизмениться, пусть даже незначительно, но это существенно затрудняет их правильную ретроспекцию. Например, в предлагаемых иранских параллелях возможные когнаты корня *ард* – оканчиваются на глухой альвеолярный – *т* – – *арт – . Финальный согласный в дигорском варианте осетинского языка такого же качества: *арт*. Можно сделать допущение о

том, что дигорские *арт*_{огонь} и *арт*_{клятва} являются результатом омонимии, но не исключено, что они могут быть результатом семантической дивергенции, в таком случае иронские *арт*_{огонь} и *ард*_{клятва} являются алломорфами. Аналогичным образом, глагольный компонент сочетания тоже может являться результатом процесса десемантизации хорошо известной в современном языке основы *хæрын*_{есть, кушать} в *хæрын*_{клясться}. в сочетании *ард хæрын*, либо контаминацией разных основ *хæрын*_{есть, кушать} и **хæрын*_{клясться}, последняя восстанавливается при сопоставлении с другими иранскими языками [2, 41 – 21].

Со времён критического осмысления наследия младограмматиков значение слова, а не только его фонетические особенности признаются важными для проведения процедур этимологического анализа (Г. Шухардт, О. Есперсен) [3], [4].

Ж.Ж. Варбот констатирует это положение следующим образом: «Современная этимология признает равно необходимыми реконструкцию первичной структуры и значения слова и изучение его изменений до времени фиксации слова в письменности, но акцентирование того или другого аспекта исследования определяется научной позицией автора. Тип историко-этимологического словаря предполагает если не большее, то, во всяком случае, обязательное внимание к изменениям слова, включая и время его употребления в письменности, вплоть до современного состояния» [5, 4–7].

Ю.В. Откупщиков считает важным рассмотрение словообразовательного аспекта, также соглашаясь, что «фонетические соответствия в корне и более или менее правдоподобно установленные семантические связи между сопоставляемыми словами – вот основная база так называемой корнеотсылочной этимологии, получившей довольно широкое распространение в индоевропейском, и в частности в славянском, языкознании» [6].

Фактор восстановления значений, особенно именной единицы сочетания *ард* – , наталкивается на ещё более сложное препятствие, ввиду существующих различных интерпретаций её семантики. В.И.Абаев в качестве основной рассматривает версию о связи осетинского корня со значением «магическая сила», в доказательство культового происхождения которого приводит параллели из аланского, согдийского, древнеиранского, авестийского «бог», «божество».

Особое внимание обращают на себя приводимые в словарной статье «Историко-этимологического словаря осетинского языка» армянские лексемы *ard* «правдивый, справедливый» и *erdumn* «клятва» [7, 60-62]. Семантическая траектория данных корней показывает, что подобное развитие семантики не является специфической особенностью армянского языка.

Узус регулирует сочетаемость, и ни при каких обстоятельствах в осетинском языке нельзя сказать **сомы хæрын*, равно как недопустим, даже в качестве окказионализма, вариант **ард кæнын* [8].

Также строго детерминированным представляется и порядок следования компонентов подчинительного словосочетания: дополнение, выраженное существительным, обычно находится в препозиции к ведущему компоненту сочетания, выраженному глаголом. При изменении порядка компонентов внутри сочетания имеет место перераспределение тема-рематической нагрузки, что для осетинского языка нехарактерно, приобретает семантику усиливает образность и торжественность семантики контекста [9, 21].

На наш взгляд, в данных словосочетаниях происходила фоссилизация фонетического облика корней, семантика которых значительно эволюционировала [8, 156].

Ард в «Толковом словаре осетинского языка» описано как: 1. преданность, принесение обещания не обмануть или по какому-либо сходному поводу; 2. проклятие, немилость [10, 138].

Выборочный анализ контекстов из Нартовских сказаний позволяет проследить какие из сем компонента *ard* реализуются наиболее последовательно. Согласно текстам сказаний, *ард* репрезентирует следующие реалии:

1. **Клятва, присяга** (*арды бынæй...* – аналогично русс.: «под присягой») [11, 433].

2. **Проклятие, кара** (ос. *æлгъыст*, зачастую в контексте несдержанного слова, разрушенной клятвы. В случае нарушения клят – вы (ард) на клятвopреступника насылалось про – клят – ые (ард) [12, 421].

В современном осетинском дискурсе **ард* имеет все вышеуказанные значения: наиболее часто реализуется сема №1, реже №2. Наряду с данными реалиями некоторые тексты кадагов репрезентируют контексты, в которых трудно говорить о точной семантике **ард*, в том числе, и в составе сложных слов (производных):

1. «Сырдоны маенг ард басыгъта...» [11, 441].

2. «– ...*Сердхатыр уыдон чызгæй ракуырдытой...*» [13, 72].

Из анализа следуют также следующие положения:

Любопытно обратить внимание и на не столь многочисленное деривационное гнездо рассматриваемой лексической группы. Так, «ард хæрын» имеет следующие деривативы: сущ. *æрдхорд* – друг, товарищ (лексико-синтаксический способ словообразования: ард æ хæрын; т. е. «поклявшийся», тот, с кем т. н. ард уже был съеден); прил. *æрдхæрæн* – прославленный, замечательный.

Деривативы, как и сама группа, представляют собой нечастый для осетинского языка случай расширения семантики глагола, призванного описывать бытовое действие поедания, питания. Именно внутри сочетания *ард хæрын* глагольный компонент данного высказывания приобретает иной, отличный от обычного процесса поедания сакральный смысл. Или же не приобретает? Ответ на этот вопрос требует ретроспективного анализа, восстановления исходной семантики обоих компонентов.

В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева *ард* возводится к иранскому **arta* – (ав. *aša* –). *Arta* — корень, представленный, в частности, в Ведийском языке, *Aša* — в текстах Авесты, но оба они репрезентируют, если говорить обобщённо, «правильность и правдивость» [14]. В контексте клятвоприношения, основа которого сдержанное, а следовательно правдивое слово, такая этимология воспринимается весьма убедительно. Возможно, однако, рассмотрение и альтернативных версий этимологии **ard*.

Есть, по крайней мере, фонетические основания сопоставлять осетинский *ард* с рядом германских лексем, обозначающих «землю», «почву». Сравните, например, *ард* с английским *earth* или немецким *Erde*, норвежским *jord* и нидерландским *Aarde*. На вопрос может ли «*ард*» быть когнатом германских лексем, положительный ответ позволяют дать данные текстов, где запечатлены обрядовые практики. В соответствующей словарной статье ИЭСОЯ автором приводится пример из нартовских кадагов, где земля выступает как объект клятвоприношения. Данный пример позволяет предположить, что осетинское *ард* может быть землёй и (или) почвой. Основанием считать так служат как и многочисленные примеры поедания земли или контакта с землёй клятвоприносящих героев Нартовских сказаний

во время произнесения слов «ард хæрын», так и наличие похожего ритуала клятвопринесения землёй у древних германцев и скифов.

В 1 томе ИЭСОЯ В. И. Абаев упоминает, что «значение 'клятва' явилось, надо думать, результатом постоянного употребления этого слова в формулах клятвы...» [7, 61]. Примем рассмотренную выше версию с землёй за возможную, и основания для описываемого семантического расширения станут более чем понятными. Клятва землёй (будь то поедание земли, или другие действия с ней выполняемые) – вероятно, ритуал, совершавшийся всякий раз при принесении клятвы; *ард хæрын* – лексическая группа, этот ритуал некогда описывающая.

Ритуал со временем утрачивал свою сакральную прагматику, а словоформы, описывающие его, стали теперь описывать клятвоприношение иное – вербальное.

Из вышеописанного анализа следует весьма очевидное положение – лексический компонент «ард» имеет коннотации сакральности, но в узусе употребляется с глаголом, который, на первый взгляд, описывает вполне обыденное действие поедания, питания. Но это лишь на первый взгляд. Если в осетинском языке клятву «ели», то, например, в персидском или урду её «пили» [2]. И в персидском, и в урду клятвопринесение репрезентируется в языке только словосочетаниями, но не сингулярными глаголами и, примечательно, что глагольный компонент в обоих сочетаниях этих двух языков представлен тем же корнем, что и осетинский *хæрын* – *xvar*. То есть, возможно, «ард хæрын» – не «есть ард», а «пить ард». Описание подобной версии приводит Хюбшман в своём этимологическом словаре осетинского языка. Он же упоминает ряд действий, обряд клятвопринесения с использованием серебряной монеты, брошенной в миску с пивом или брагой и принесением затем клятвы [15]. Трудно говорить об актуальности версий, как и «выпивания ард'а», так и использования серебряной монеты за неимением дополнительной информации.

Продолжая тему этимологии осетинского глагола «хæрын» нельзя не упомянуть альтернативную её версию. Общеиранский корень **xvar* – (**xuar* –), от которого и берёт своё начало и осетинский глагол, имеет омонимичную базу с о.и.е. **suer* – [16, 149].

Так как глагольный компонент является ядром словосочетания,

важным является восстановление его протосемантики. Две основные полученные в ходе исследования гипотезы восстановленной семантики глагольного компонента позволяют выделить список возможных значений прямого дополнения, стоящего при нём. Списки того, чем можно «клясться» и что можно «принимать вовнутрь» в основном разнятся, хотя и частично перекрываются.

Эпические нарративы и паремиологический материал осетинского языка являются важными для дальнейшего развития существующих версий, для выдвижения новых гипотез. Бесспорна ценность сопоставительных исследований для восстановления этимологии как каждого компонента, так и целого словосочетания. Комплексный междисциплинарный анализ смог бы пролить свет на важнейшие аспекты осетинской аксиологической системы и помочь найти ответы на вопросы, важные для осетинской лингвокультуры.

-
1. Уарзиати В. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 106 с.
  2. Bartholomae, Zum sasanidischen Recht, IV. Heidelberg, 1922. С. 41-21.
  3. SCHUCHARDT., Н. «Etymologische Probleme und Prinzipien. (zu A. Thomas Romania XXXI, I ff. und Mélanges d'étymologie française 1902), vol. 26, no. 4, 1902. С. 385-427.
  4. Jespersen, Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View, 1925. С. 305.
  5. Варбот Ж. Ж. Предисловие // Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 4-7.
  6. Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. 480 с.
  7. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. Т. I. 655. С. 60-62.
  8. Гутиева Э. Т. Семантический сдвиг клятво – вкушение < клятво – приношение в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2022. Выпуск 44 (83). С. 152-166.
  9. Гутиева Э.Т., Дзарасов В.С. Клятвоприношение и клятвоотсту-

пление в текстах нартовских кадагов. *Kavkaz – forum*. 2022. Вып. 10(17). С. 16-30.

10. Ирон æвзаджы æмбарынгæнгæнæн дзырдурат / Ред. Н.Габарев. М.: Наука, 2007. 508 с. (на осет. яз.).

11. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2005. Ч. 3. 712 ф. (на осет. яз.).

12. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Ч. 4. 548 ф. (на осет. яз.).

13. Нарты кадджытæ: Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2011. Ч. 6. 544 ф. (на осет. яз.).

14. Schlerath B., Skjærvø P.O. , «AŠA,» *Encyclopædia Iranica*, II/7, pp. 694 – 696: [сайт]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/asa – means – truth – in – avestan>.

15. Hübschmann, *Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache*, Strassburg, 1887. 151 s.

16. *Etymological dictionary of the Iranian Verb* by Johnny Cheung, Leiden, Boston, 2007. 600 p.

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

**Корытин Г.С.,
магистрант РГГУ,
Колпакова Е.Н.,
студентка бакалавриата РГГУ,
Рахманина А.А.,
студентка бакалавриата РГГУ,
Кирилов Н.В.
студент бакалавриата РГГУ,
(г. Москва)**

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ: НА ОСНОВЕ ПОЛЕВЫХ ДАННЫХ

Северная Осетия в религиозном плане выделяется среди республик Северного Кавказа, представляя собой единственный субъект федерации, где доминирующим течением является христианство. Однако из результатов исследования, проведенного в июне 2022 г., очевидно, что и это религиозное мировоззрение тесно переплетается с традиционными осетинскими верованиями. Таким образом, в нашей статье представляется не только исторический анализ роли христианства в республике, но также подробно раскрывается тема религиозного синкретизма в Северной Осетии.

Помимо доминирующего христианства, в республике также представлен ислам. Затрагивая историю и особенности проникновения ислама на территорию Северной Осетии, мы рассмотрели текущее положение мусульман в республике. Привели не только полученные в ходе исследования качественные данные, но и комментарии самих респондентов.

На фоне религиозной разнообразности в регионе в статье также поднимается вопрос самоидентичности местного населения. Что в мировоззрении людей имеет первостепенное значение: национальная или религиозная принадлежность?

Изучение специфики религиозной обстановки в Северной Осетии необходимо, чтобы осуществлять корректную национальную политику, а также минимизировать возникновение конфликтов на религиозной или национальной почве в регионе.

В рамках исследовательского проекта Российской академии наук (РАН) совместно с Российским Государственным Гуманитарным Университетом (РГГУ) был проведен массовый опрос населения Владикавказа и его пригородных районов. Общий объем выборки составил 652 респондента в возрасте от 18-ти лет и старше. Опрос был направлен главным образом на выявление положения осетинского языка в жизни местных жителей, уровень поддержания ими национальной культуры, а также затрагивал тему религии. Широкая и разнообразная выборка для опроса была составлена, опираясь на территориальные и половозрастные характеристики.

Ключевые слова: Северная Осетия, осетины, исследование, религия, христианство, православие, ислам, мусульмане, самоидентичность, синкретизм, верования, традиционные верования, язычество, уацдин, самоидентификация, притеснение.

In terms of religion, North Ossetia stands out among republics of the North Caucasus as the only one where Christianity is the dominant denomination. However, from the results of our study conducted in June 2022, it is obvious that this religious worldview is closely intertwined with traditional Ossetian beliefs. Thus, our article presents not only an analysis of the historical role of Christianity in the republic, but also reveals in detail the topic of religious syncretism in North Ossetia.

In addition to the dominant Christianity, Islam is also represented in the republic. Touching upon the history and features of the penetration of Islam into the territory of North Ossetia, we examined the current situation of Muslims in the republic. We cited not only the qualitative data obtained during the study, but also the comments of the respondents themselves.

Against the background of religious diversity in the region, the article also raises the issue of self – identity of the local population. What is of paramount importance in the worldview of people: national or religious affiliation? The study of the specifics of the religious situation in North Ossetia is necessary in order to implement a correct national policy, as well as to minimize the occurrence of conflicts on religious or ethnic grounds in this region.

Within the framework of the research project of the Russian Academy of Sciences (RAS), together with the Russian State University for the Humanities (RSUH), a mass survey of the population of Vladikavkaz and its suburban areas was conducted. The total sample number was 652 respondents aged 18 years and older. The survey was aimed mainly at identifying the position of the Ossetian language in the lives of local residents, the level of their maintenance of national culture, also touched upon the topic of religion. A wide and diverse sample for the survey was compiled based on territorial, gender and age characteristics.

Key words: North Ossetia, Ossetians, research, religion, Christianity, Orthodoxy, Islam, Muslims, self – identity, syncretism, beliefs, traditional beliefs, Paganism, wasdin, self – identification, oppression.

Христианство в Северной Осетии. В распространении христианства среди осетин было два периода: до монгольского нашествия – в аланскую эпоху и после него, начиная с первой половины XVIII в. В первый период христианизация алан-осетин протекала с VI по X в. Этому, в том числе, способствовало правление царицы Тамары с 1184 примерно до 1213 г.

В публикации 2015 г. «Народы и культуры: осетины», под редакцией З.Б. Цаллаговой, Л.А. Чибирова упоминается, что в XI–XV вв. в западной и восточной части Алании возводилось большое количество церквей и храмов. Остатки некоторых сохранились до наших дней. Самые известные из них: Таргимский и Зругский (Мады Майрам) храмы, Тлийская и Регахская церкви, датируются XI–XIII вв. В эпоху Золотой Орды сооружение христианских храмов в восточной Алании (на территории современной Осетии) не было прекращено. К XIII–XIV вв. относится строительство следующих культовых мест: Нузальская часовня, церкви в Лезгоре (Донифарсе), Галиате, Лаце, Фараскате и др. [1, 447].

В этой же публикации упоминается, что после татаро-монгольского нашествия и вхождения в состав Золотой Орды аланы на Северном Кавказе и прилегающих территориях продолжили оставаться носителями православной культуры. Катастрофой для аланов стало вторжение войск Тамерлана в конце XIV в. Аланское население было подвержено геноциду. А небольшое их количество было вытеснено в труднодоступные горные районы Северной и Южной Осетии, и с этих пор стало известно об «осетинах». Последние в своем культурном развитии оказались отброшены назад.

После вторжения войск Тамерлана, оказавшись в горах, осетины потеряли свои культурные центры и города, которые также являлись и центрами духовенства. Осетины были отрезаны от христианского мира. В условиях горной изоляции они утратили многие элементы христианского мира [2015, 447].

Второй этап распространения христианства относится к XVIII в. – веку развития русско-осетинских отношений. Желая привлечь на свою сторону осетин и обеспечить себе свободный проход по Дарьяльскому ущелью в Закавказье, царская Россия основала для этой цели в 1745 г. Осетинскую духовную комиссию. Важными мероприятиями комиссии были перевод грузинских духовных книг на

осетинский язык и распространение образования среди осетин в открытых для этой цели духовных семинариях и церковно-приходских школах.

Во второй половине XIX в. ряды священнослужителей Осетии стали постепенно пополняться представителями коренной народности, сочетавшими свою духовную деятельность с широкой просветительской работой. Во второй половине XIX в. происходит дальнейшее укрепление христианства, выразившееся, в частности, в увеличении количества церквей в селах равнинных осетин (села Кадгарон, Хумаллаг, Ардон и др.), а также в сооружении огромного собора в Моздоке.

Б.А. Калоев в своей монографии «Осетины» отмечает, что главной чертой христианизации в Осетии являлось лояльное отношение миссионеров к языческим верованиям и культам. Христианство сосуществовало с язычеством, а во многих случаях уступало ему. Меньше всего христианство распространилось в горах, где господствовала языческая религия [2, 399].

На основе проведенного нами исследования можно сказать, что христианство является самой многочисленной конфессией в Северной Осетии. Всего за время исследования было опрошено 652 жителя Владикавказа. 478 являются этническими осетинами. Из этих 478 человек 330 ответили, что являются христианами. В процентном отношении это примерно 69% от общего числа опрошенных осетин. Среди опрошенных были 19 ингушей, но все они ответили, что исповедуют ислам. Русских было 99 человек, из которых 80 (80,8%) отнесли себя к христианам. 9 из 10 опрошенных грузин (90%) отнесли себя к христианам. 16 из 18 армян (88,9%) отнесли себя к христианам. Из представителей других национальностей 10 человек из 24 отнесли себя к христианам (41,7%). Четыре человека не указали свою национальную принадлежность, из них только один заявил, что исповедует христианство (25%).

Интересную информацию относительно межконфессиональной ситуации в регионе дала кандидат социологических наук Е.В. Федосова. По ее словам, религиозная ситуация в регионе довольно сложная. Были нападки на христиан со стороны осетин, придерживающихся традиционных верований. Одной из таких нападков был громкий скандал, разразившийся в 2020 г. на раскопках

около Нузальской часовни. Сторонники традиционных осетинских верований обвинили работавших там археологов в расхищении и осквернении гробниц их предков. Несмотря на то, что сама часовня была христианская.

Мусульмане в Северной Осетии. Северный Кавказ без сомнения был и есть крайне разнообразным и, соответственно, интересным регионом для изучения. Северная Осетия – Алания – это единственный регион на российском Кавказе, где доминирующей религией является христианство. В остальных соседних республиках позиции государственной религии сохраняет ислам.

Последнее названное религиозное течение начало свое распространение на территории Северной Осетии позже, нежели христианство. Разные исследователи придерживаются различных мнений по поводу того, когда же все-таки ислам начал проникать на территорию Северной Осетии. Н.М. Емельянова считает, что ислам начал свое распространение в современной российской республике к VII в. Мы также склоняемся к этому мнению. Дата подкрепляется автором данными о завоевании арабами Закавказья и их последующим продвижением на Северный Кавказ. Однако стоит заметить, что на тот момент у алан были свои традиционные верования, элементы которых даже сейчас являются неотъемлемой частью жизни многих осетин. Поэтому к двум новым для них тогда конфессиям местные жители отнеслись с интересом: «Как и в случае с христианством, аланы смотрели на ислам в познавательном плане» [3, 17].

Укрепление ислама, как пишет Д.А. Цховребова, начало происходить «в XIII веке после военного разгрома осетин, аланов и Грузии монголами в походах Субудая в 1221 г., Батыя – в 1235–1240 гг.». А в начале следующего века наблюдалось активное строительство мечетей, «куда привлекались даже русские мастера» [4, 68].

Вскоре, а именно в 1395–1396 гг., как уже было упомянуто ранее, на аланское население обрушивается страшнейший геноцид, произошедший в ходе нашествия Тимурхана. Данное событие даже во время наших опросов отмечалось местным населением, как значимое. Нашествие Тимура на аланские земли оказало крайне деструктивное влияние на развивающуюся местную культуру. В частности многие достижения христианской и мусульманской культуры были потеряны [5, 4].

Через четыре столетия в XVIII в. происходит возрождение ислама на территории Северной Осетии. Т.Е. Дзеранов связывает это с «вливанием соседней Кабарды, принявшей незадолго до этого ислам». В это время становились мусульманами в основном те представители социального верха, которые имели связи с кабардинскими князьями. Однако, даже несмотря на это, подавляющее большинство осетин все же оставались христианами [5, 4 – 5].

Л.Х. Батагова, говоря о процентном соотношении общего числа жителей республики и мусульман среди них, приводит следующие два значения: 25% (свыше 100 тысяч человек) и 30% (200 тысяч человек) [6, 6]. В первом случае автор ссылается на данные российского исламоведа А. Малашенко, во втором случае на мнение бывшего муфтия Северной Осетии М. Тавказахова. Чаще всего в литературе нам встречалось значение не превышающее 15% от всего населения республики.

В ходе данного исследования мы получили следующие результаты: среди 652 опрошенных жителей Владикавказа и его пригородных районов 44 человека (6,7%) исповедуют ислам. При этом из общего количества осетины составляют 478 человек (ислам исповедуют 16 человек – 3,3% от общего числа опрошенных осетин), ингуши – 19 человек (ислам исповедуют все 19 человек – 100% от общего числа опрошенных ингушей), русские – 99 человек (ислам исповедует 1 человек – 1% от общего числа опрошенных русских), грузины – 10 человек (из опрошенных никто не исповедует ислам), армяне – 18 человек (из опрошенных никто не исповедует ислам), представители других национальностей – 24 человека (ислам исповедует 8 человек – 33,3% от общего числа опрошенных других национальностей), не указали свою национальность – 4 человека (из опрошенных никто не исповедует ислам). При этом из всех 652 опрошенных ислам исповедует 27 мужчин (4,1%) и 17 женщин (2,6%).

В ходе разговоров нас также интересовала такая проблема, как притеснение мусульман в христианской республике. На что местные жители, исповедующие ислам, говорили нам, что осетины очень толерантны не только в национальном, но и в религиозном плане. Кроме того, в центре Владикавказа стоит Суннитская мечеть, являющая собой уникальную постройку первого десятилетия XX-го в., из которой пять раз в день звучит азан (призыв на молитву – намаз).

Это также может быть косвенным подтверждением конфессиональной толерантности местного мусульманского населения.

Однако, вместе с положительным или нейтральным отношением местных к мусульманам, мы встречались и с негативной характеристикой последних. Так, один из осетин (выходец из Южной Осетии) характеризовал тот факт, что часть его народа приняла ислам, как «трагедию». Другой респондент, приезжий гражданин 23-х лет из Чеченской республики, прямо сказал о том, что чувствует притеснение со стороны местных. По его словам, его заставляют гладко бриться, чтобы на территории республики он мог «жить нормально». «Бородатых мусульман здесь не любят», – сказал он во время интервью.

Христианство и ислам представляют два разных культурных мира в Северной Осетии. В связи с этим их роль на территории республики, влияние на длительное формирование осетинской культуры, мировоззрение людей, их систему ценностей в том виде, в котором они представлены сейчас, переоценить попросту невозможно. Мусульманское влияние ярко отражается в культуре осетин, будь то язык, фольклор, обычаи или же быт. Как сказал один из респондентов: «У нас за столом сводятся вместе много того, что присутствует у мусульман. Хоть мы и христиане, но на таких торжественных празднованиях, как моление Богу, не кладем свинину на стол». Это один из тех примеров, который ярко отражает религиозную специфику такого региона, как Северная Осетия.

Проблемы христианской самоидентичности осетин. Особая форма верований. Во время проведения исследования нам особенно запомнились слова одного из респондентов – отвечая на вопрос о своей религиозной принадлежности, мужчина ответил, что он в первую очередь «крещённый осетин». В некоторых случаях, когда мы говорим о христианстве в Осетии, такая формулировка является особенно точной. Для стороннего наблюдателя тема христианской или же в общем религиозной самоидентичности осетин является комплексной темой, для понимания которой важно учитывать и исторические, и социологические аспекты. В результате опросов, проводимых среди осетин разными исследователями в разное время, в том числе и по результатам нашего исследования, формируется по конфессиональному признаку минимум три группы: осетины

– христиане (исповедующие православие), осетины, исповедующие традиционную веру, и осетины, не отделяющие традиционные верования от христианства (монотеистической религии в принципе, в том числе и ислама). Причём среди людей, исповедующих традиционную религию, идёт также чёткое разделение: некоторые респонденты просят учитывать, что традиционная осетинская вера не является языческим культом, а некоторые наоборот уверенно именуют себя язычниками.

Согласно результатам исследования профессора СОИГСИ Султаны Гильмидиновны Кцоевой, приведёнными в её работе «К проблеме этнорелигиозной самоидентификации современных осетин», 60% опрошенных охарактеризовали традиционную осетинскую религию как монотеистическую, 16% – как политеистическую, 24% не смогли идентифицировать её подобным образом. Интересно другое: из 60% оценивших осетинские традиционные верования как монотеистические, ровно половина – «традиционалисты», 33,3% – православные христиане, 3,3% – мусульмане, 10% придерживаются одновременно православия и традиционных осетинских верований, 3,3 % не отнесли себя ни к какой религии.

Видно, что треть православных из числа опрошенных оценивает традиционную осетинскую религию как монотеизм, не считая, таким образом, «традиционалистов» язычниками (в значении приверженцев политеистического верования). Исходя из этого, Султана Гильмидиновна делает вывод, что указанное обстоятельство может свидетельствовать о том, что треть респондентов, считающих себя православными, находится под возрастающим влиянием «традиционализма» и не согласна с тем, чтобы религия осетин, пусть и в своей традиционной форме, считалась язычеством [12].

Наше же исследование дало следующие результаты: из 652 опрошенных христианство исповедует 446 человек, что составляет 68,4% от общего числа, независимо от христианства к традиционной вере относит себя 40 респондентов (6,1%). При этом абсолютное большинство осетин-христиан соблюдают традиционные обряды, посещают святые места, отмечают народные праздники. Самым часто упоминаемым местом является Роща Хетага. Также респонденты как священные места часто упоминали Алагирский женский монастырь и Аланский Успенский монастырь.

На протяжении долгого времени особая форма осетинских религиозных представлений остаётся объектом интереса учёных. Несколько этапов принятия христианства, а также временное отсутствие церковных структур в Осетии, объединившись с традиционными представлениями, ранее, у авторов XIX в., называемых «языческими», сформировали уникальную систему верований [10]. В своей работе, написанной после поездки на Кавказ в 1807–1808 гг., немецкий лингвист Юлиус Клапрот, описывает «религию осетин» как «смешение христианства и старых суеверий». О временном отсутствии представителей церкви в Осетии, по некоторым датировкам, с XV до XVIII в. мы можем также узнать из приведенной в книге Клапрота цитаты из заявления грузинского архиепископа Иосифа и архимандрита Николая, в 1742 г., преподнесённого ими императрице Елизавете Петровне: «Осетины <...> были раньше обращены в христианство, но с тех пор опять впали в язычество. От путешественников, <...> получены сведения, что они снова хотят вернуться к христианской вере...» [11].

Так, по мнению Тимура Ефимовича Дзеранова, даже возвращение православной церкви в Осетию в XIX в. не привело к полной христианизации, и вследствие чего в религиозной жизни осетин легко выделить элементы, относящиеся к восточно-христианской (реже исламской) культуре, и практики и верования, возведение которых к христианству или исламу весьма проблематично. Именно такой религиозный синкретизм, к которому мы вернёмся в нашей статье чуть позже, является одной из характерных особенностей осетинской духовной культуры [10]

Время принятия христианства. По ответам и комментариям некоторых респондентов становится заметно, насколько важен для осетин факт принятия христианства, причём принятия христианства раньше славян. Так, на вопрос «Какие три наиболее важных исторических события Вы могли бы выделить в истории своего народа?» 2,9% (19 человек) среди прочих ответов ответило «Крещение Алании», ещё 2,6% (17 человек) ответило «принятие христианства», 11 из которых были осетины. Ещё 4 человека (все из них являются осетинами) в одном из трёх пунктов ответили просто «крещение».

Меня и моих коллег респонденты часто спрашивали, знаем ли мы, что аланы приняли христианство раньше славян, в X веке. Один

из опрошенных также добавил, что «осетины принесли христианство славянам».

Также, что в научной среде, что среди просто заинтересованных этой темой людей, ведутся рассуждения о давности проникновения христианства к аланам. Согласно церковной традиции считается, что уже в I в. нашей эры на территорию расселения предков современных осетин проникло христианство благодаря проповедям Андрея Первозванного в аланском городе Фурс.

В трудах средневековых летописцев с момента проведения Халкидонского собора в 451 г. н. э. начинает упоминаться Аланская епархия, например, в трудах таких писателей, как Феодора Вальсамона и Иоанна Зонара [9].

В 322 г. среди осетин южной части Осетии проповедует Нина Каппадокийская незадолго до своего прибытия в Грузию, куда она была направлена из Византии Константином Великим по просьбе правителей Грузии. И уже тогда осетины были знакомы с верой, «которую принес грек Андрей» [9].

А некоторые сторонники раннего принятия аланами христианства обращаются к образу аланского святого Сухия Месукевийского, принявшего мученическую смерть в 130 г. Однако, согласно грузинским источникам, Сухий был грузином, но в армянском первоисточнике выясняется, что будущий святой сопровождал аланскую царицу Сатеник в Армению для вступления в брак с царем Арташесом [10].

Христиане на Северном Кавказе. Не раз респонденты говорили о важности того факта, что осетины являются единственными христианами среди коренных народов Северного Кавказа.

Причём при разговоре с православными осетинами порой чувствуется опасение, направленное на мусульманскую часть населения, однако это опасение вызвано преимущественно действиями и намерениями радикальных исламистов, напрямую выражающих неприязнь к осетинам как народу. Негативное отношение у радикально настроенных мусульман вызывает и то, что Осетия издавна считается представителем России на Северном Кавказе и является территорией влияния Русской православной церкви [8].

И в то время как, с одной стороны, мы можем наблюдать сохранение и возрождение народных религиозных верований, с другой

стороны, происходит усиление в осетинском обществе роли православной церкви, не предусматривающей практику традиционных ритуалов. Так в ответ на возникновение в настоящее время традиционалистских религиозных движений, считающихся неоязыческими, однако являющихся интуитивным способом самозащиты осетинского этноса от влияния глобализационных процессов, в начале минувшего десятилетия своё возрождение начала Аланская епархия [7].

Как итог этого раздела нашей статьи, думаем справедливо будет отметить, что для осетин религия неразрывно связана с национальностью, в отличие, например, от мусульман, для которых, как заметил один из наших респондентов, на сегодняшний день самоидентификация человека как мусульманина приоритетнее национальной самоидентичности. Не все осетины исповедуют христианство, однако для осетин-христиан особенно важна их религиозная принадлежность, что в совокупности с национальным религиозным культом является частью в том числе и этнической самоидентичности. И одновременно христианство в числе прочих факторов помогло наладить Осетии и России сотрудничество, что, по словам некоторых респондентов из числа осетин, также для них немало значащее.

Что касается религиозной самоидентификации осетин в целом, сейчас она сложна и конфликтна. Её активизация, обостряющая споры по вопросу «Кто мы?», заметна в связи с усугублением пост-модернистских тенденций [12].

«Традиционная осетинская религия» как самоидентификация среди населения современной Северной Осетии, её особенности и происхождение. Действительно, Северная Осетия в наши дни обладает репутацией не только единственной христианской республики на Северном Кавказе, но и одного из самых языческих регионов России. Проводя этносоциологическое исследование во Владикавказе и его окрестностях, невозможно не отметить необычную концентрацию политеистических и анимистических тенденций в живой народной культуре и людей, относящих себя к дохристианской вере (в ходе нашего исследования из 652 респондентов 40 человек – 6,1% – назвали себя представителями доавраамической традиционной религии, пользуясь разнообразными, но в большинстве аспектов взаимозаменяемыми терминами и формулировками;

среди этнических осетин, к которым отнесли себя 478 человек из выборки, доля «язычников» достигает 8,2%, это 39 респондентов).

Для обозначения традиционной, «исконной» религии, противопоставляемой «пришлым» христианству и исламу, респонденты (в рамках нашего общего полевого исследования и его продолжения, осуществлённого мною в онлайн-формате) использовали большой спектр возможных названий – «Язычество», «Осетинская вера», «Иронская вера» или «Ирон дин», «Традиционные верования», «Традиционализм», «Местные обычаи», «Агъдау», «Асс дин», «Ацаг дин», «Ассианство», «Уацдин»; в этом тексте предпочтем использовать первое и последнее.

Такое разнообразие названий отлично демонстрирует отсутствие структурного, институционального единства осетинского язычества, выливающееся в неоднородность по самым разным аспектам. Оргкомитет Северо-Осетинской республиканской религиозной организации «Уацдин» в своём обращении от 07.08.2010 года описывает одноимённое движение как исконное и в значительной степени непрерывно сохранявшееся с дохристианских времён религиозное мировоззрение, включающее в себя совокупность ритуалов и обрядов, почитание единого Бога, никак не связанного с авраамическим, и культы дзуаров, «небесных покровителей», никак не связанных в происхождении своего сохраняемого по сей день образа с христианскими святыми [13]/ Совет служителей святилищ Осетии, действующий при Северо-Осетинской религиозной культурно-просветительской общественной организации «Иудзинад» («Единство»), в своём официальном ответе-интервью на запрос Р. В. Шиженского, 2018 г., отделяет «Традиционное осетинское мировоззрение» от понятия религии, представляя его как «мировоззрение Ирон Агъдау», систему ценностей и моральных ориентиров, опирающуюся на «традиционную мифологию» и «традиционные представления о мироздании» – пантеизм, отсутствие необходимости искусственно создаваемых храмов и др. [14, 1, 2, 3]; этот взгляд во многом разделяет и частично дословно цитирует в интервью от 15.11.2018 Хетаг Мориев, 'взæрстлæг (выбранный представитель) во владикавказской «Местной Религиозной Организации Традиционных Верований Осетин «Æцæг Дин» (Истинная вера)» – сам он предпочитает название «Осетинская религия»

или «Ирон дин», скептически относясь к использованию терминов «Æсс дин» и «Уац дин» [15, 1].

03.08.2022 нам удалось узнать очередную точку зрения на «Осетинскую веру», проведя онлайн-интервью с 35-летним активистом Уацдин (в его терминологии – «Ассадин»), известным под псевдонимом Фрэд Ас – Бетанти – владельцем YouTube – канала «ASSA TV» с 4 910 подписчиками и одноимённой страницей в Instagram (часть компании Meta Platforms Inc., с 21.03.2022 признанной экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории России) с 6 232 подписчиками (на 04.08.2022). Список основных вопросов, заданных респонденту онлайн, был таков:

1. Каковы, на ваш взгляд, основные особенности и принципы осетинской традиционной религии (Уацдин, Ассаг дин, Æгъдау)?

2. Вы считаете её многобожием или единобожием? В присутствии каких Высших Сил вы верите и как предпочитаете их называть (Бог или Боги, Святые, Покровители, Дзуары, Ангелы и Архангелы)?

3. Посещаете ли какие-нибудь священные места и совершаете ли какие-нибудь религиозные обряды? Какие? Могли бы описать некоторые?

4. Есть ли какое-либо постоянное сообщество людей (аналог общины или прихода у христиан), с которыми Вы встречаетесь, совершаете богослужения?

5. Как вы познакомились с Уацдин (когда и как осознали, что именно это – ваша религия)?

6. Какова сейчас религиозная обстановка в РСО-Алании, во что в основном верят люди? Как относитесь к другим религиям, которые тут исповедуют? Как думаете, как ситуация изменится в будущем?

Общая продолжительность аудиозаписи ответов составила 80 минут. Выяснилось, что респондент придерживается взглядов на «Асдин» как на монотеистическую религию и принципов пантеизма; дзуаров описывает скорее природными силами, чем «человеческими» фигурами вроде христианских святых, представляет в количестве семи и называет их частями, составляющими «Большого Бога», проводя аналогию с радугой и цветами в ней. Продвигает идею о «любви к ближнему и к миру» как о единой идее всех религий, забывая о которой любой номинальный верующий становится «идолопоклонником»; критикует авраамические религии за идеи, этот из-

начальный посыл сильно искажающие – за «рабское представление о Боге как о чём-то вне человека и вне мира».

Респондент возглавляет неформализованное сообщество верующих с плюс – минус одинаковыми взглядами на космологию и мораль, упоминает, что внутри «традиционалистского» движения в РСО таких малых организаций очень много. Каждый год, 28 августа, «по собственной традиции» организует встречу с аудиторией и совершает с последователями спортивное восхождение на гору Супицкая Будка неподалёку от Владикавказа. По праздникам нерегулярно посещает священные места – Реком, рошу Хетага, но не считает это обязательным, заявляя о «необходимости молиться не словами, а мыслями и действиями и не в конкретном месте в конкретное время, а всегда и везде».

Сам Ас – Бетанти вырос в Чиколе в мусульманской семье, с подросткового возраста начал задаваться вопросами о многих аспектах моральных и космологических аспектах ислама и критически к ним относиться, конфликтуя из-за этого с братьями и родителями; к смене религии пришёл самостоятельно, увлёкшись, с одной стороны, изучением осетинской традиционной культуры и, в частности, чтением Нартского эпоса, с другой – темой оккультизма: не меньше эпоса на респондента повлияла «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской. В видеолекциях в основном рассуждает о морали и метафизике, то есть о неверифицируемых концепциях, но часто по ходу дела занимается историческими и лингвистическими спекуляциями, представлением вымышленных или предполагаемых исторических фактов и этимологий различных слов, как безусловно реальных.

В таком разнообразии взглядов на «осетинское язычество» среди его адептов нет ничего странного, если разобраться в происхождении движения. По сути своей, уацдин – очень молодая самоидентификация, плод трудов осетинской интеллигенции 1980–1990-х гг. по реставрации самобытной осетинской культуры и возрождению религиозности после советской идеологии секуляризации. По мнению исследователя Сергея Штыркова, современный рост популярности уацдин восходит корнями к началу XX в., к протестной реакции населения на советский государственный атеизм; он же называет официальную секулярность причиной перехода этнических повседневных традиций и практик (Æгъдау, ритуалы с пирогами и

пивом) в сферу религии, причём сравнимой с глобально распространёнными конфессиями [16, 239 – 240].

Обобщая данные, полученные от разговоров с респондентами, анализа их ответов и изучения письменных источников, можем сказать, что данная конфессия представляет собой устойчивую и обособленную общность с развитым чувством групповой идентичности, с проработанной символикой и со множеством привязанных к конфессии частных организаций и обществ, однако при этом хоть в каких-то аспектах универсального для всех «традиционалистов» (в контексте Северной Осетии этим словом часто обозначаются сторонники «традиционных верований» в противовес христианам) мировоззрения просто нет, и не предвидится, что вполне объяснимо и правильно: Уацдин позиционируется как языческая религия, а значит, не предусматривает строгого догмата, зафиксированного в каком-либо священном писании, а опирается – или стремится опираться – на имеющиеся непрерывные традиции и обычаи, например, осетинский Нартский эпос и народный моральный кодекс, известный как «Агъдау». При всём при этом развивается эта неоязыческая конфессия в многовековой христианско-мусульманской среде и в свете по большей части постхристианской массовой культуры, поэтому у значительной части «традиционалистов» так или иначе сохраняются представления о необходимости упорядоченного, письменно зафиксированного догмата, что, несомненно, является серьёзной проблемой – ведёт к невероятным масштабам спекуляций на темах «непрерывной осетинской традиции» и многочисленным фальсификациям памятников духовной культуры, к непрекращающемуся росту объёма спекулятивной псевдо-этнологической и философской литературы, значительная часть произведений которой претендует на непредусмотренное место «святого писания» для Уацдин, к постоянным внутренним спорам и разногласиям.

В таких условиях образная и организационная сплочённость «традиционалистов» кажется удивительной, если упускать из внимания тот факт, что сама эта конфессия появилась не как совокупность относительно новых для среды религиозных идей, распространяющаяся и формирующая вокруг себя сообщество, а сразу как конфессия и как сообщество, объединение людей, противопоставленное христианству и исламу. Дело в том, что и христианство,

и – в чуть меньшей степени – ислам исторически подверглись у осетин очень сильному синкретическому слиянию с изначально существовавшими языческими верованиями. Осетинское православное христианство изменилось до неузнаваемости – библейский Бог-отец и некоторые православные святые слились с политеистическим пантеоном, заняв ниши дохристианских богов и перенеяв их функции. Фигура же, например, Иисуса Христа утратила первостепенную значимость и отодвинулась на дальний план. Результаты анкетирования респондентов в рамках нашего исследования и неформализованные разговоры с ними позволяют выявить актуальное на сегодняшний день состояние традиционной осетинской религии. Подавляющее большинство осетин, отметившихся в анкете как «православные», исповедуют именно такое, исторически сложившееся, специфическое православие, очень многие по сей день поддерживают непрерывные традиции очевидного небиблейского происхождения. Святым – «дзуарам» – молятся в сакральных местах природного происхождения, в частности в рощах, при этом спокойно посещая и церковь; пантеон дзуаров, крепко ассоциированных с такими местами поклонения, и святых, изображённых на иконах, свободно могут как разделять, так и отождествлять. А вот такая самоидентификация, как «язычник», противопоставленная самоидентификации «христианин», скорее всего, не сохранилась ни в каком виде и относится к явлениям современности. По сути, никаких устойчивых, закономерных различий, кроме ответа на вопрос №44 («Укажите свою религиозную принадлежность»), в собранных нами анкетах респондентов, назвавших себя «православными», и респондентов, записавшихся «язычниками», не оказалось – в том числе и среди ответов на вопрос №46 («Какие из священных мест Северной Осетии вы посещаете и в какие дни?»). Можно отметить в среднем большую склонность назвавших себя христианами ориентироваться на библейскую мораль и общехристианские ценности, а назвавших себя язычниками – критиковать такие ценности и такую мораль, но даже тут тенденция еле-еле уловима и исключений из неё огромное количество.

1. Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-Алания. М.: Наука, 2015. 605 с. (Народы и культуры).

2. Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование / Б.А. Калоев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 471 с.

3. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций: Монография. М., 2003. 359 с.

4. Цховребова Д.А. Влияние взаимодействия культур Осетии и России на религиозность осетин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11 – 1.

5. Дзеранов Т.Е. История принятия ислама в Осетии (Алании) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №12 – 6. С. 15.

6. Батагова Л.Х. Ислам в контексте социально-политических процессов на Северном Кавказе // Вестник Владикавказского НЦ РАН. 2013. №3. С. 6-9.

7. Амелина Я. А. Осетия в поисках религиозной идентичности // сайт Кавказский геополитический клуб.

URL: [https://kavkazgeoclub.ru/content/osetiya – v – poiskah – religioznoy – identichnosti#_edn10](https://kavkazgeoclub.ru/content/osetiya-v-poiskah-religioznoy-identichnosti#_edn10)

8. Амелина Я. А. Почему исламисты ненавидят Осетию? // сайт Regnum.

URL: <https://regnum.ru/news/polit/1626375.html>

9. Джиоев Л. Христианство в Осетии – тысячелетняя традиция или не слишком ли мы занижаем дату принятия Осетией христианства // сайт газеты «Республика».

URL: [https://respublikarso.org/elections/593 – hristianstvo – v – osetii – tysyacheletnyaya – tradiciya – ili – ne – slishkom – li – my – zanizhaem – datu – prinyatiya – osetiey – hristianstva.html](https://respublikarso.org/elections/593-hristianstvo-v-osetii-tysyacheletnyaya-tradiciya-ili-ne-slishkom-li-my-zanizhaem-datu-prinyatiya-osetiey-hristianstva.html).

10. Дзеранов Т. Е. К вопросу о времени крещения алан.

URL: [https://interactive – plus.ru/e – articles/191/Action191 – 15294.pdf](https://interactive-plus.ru/e-articles/191/Action191-15294.pdf).

11. Клапрот Г-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.

URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800 – 1820/Klaproth/text4.htm>.

12. Кцоева С. Г. К проблеме этнорелигиозной самоидентификации современных осетин.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k–probleme–etnoreligioznoy – samoidentifikatsii – sovremennyh – osetin/viewer>.

13. Обращение Оргкомитета Северо-Осетинской республиканской религиозной организации «Уацдин», 07.08.2010.

URL: <https://www.iriston.com/nogbon/news.php?newsid=427>.

14. Официальный ответ совета служителей святынь Осетии на запрос Р. В. Шиженского // Colloquium heptaplomeres. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnyy – otvet – soveta – sluzhiteley – svyatilisch – osetii – na – zapros – r – v – shizhenskogo>.

15. Шиженский Роман Интервью с Х. Моргоевым // Colloquium heptaplomeres. 2018. №5.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu – s – h – morgoevym>

16. Shtyrkov, Sergey (2011). «Religious nationalism in contemporary Russia: the case of the Ossetian ethnic religious project». In Alapuro, Risto (ed.). Understanding Russianness. Routledge. pp. 232–244.

**З. А. Тургиева,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева,
аспирант СОГУ им. КЛ. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ В 1990-е – 2000-е гг.**

В период 1990–2000-х гг. культурная политика, ценностные ориентиры претерпели значительные метаморфозы. Начавшийся еще в 1986 г. период «перестройки», повлекший за собой отказ от предыдущего уклада общественной и экономической жизни, разрушил старые устои и не смог сформировать новые ценностные ориентиры. В настоящей статье предпринята попытка изучить тенденции формирования культурной политики в постсоветской России с определением основных целей и принципов региональной культурной повестки. Проанализированы соответствующие законодательные акты в области культуры и их реализация на практике в Северной Осетии.

Ключевые слова: Культурная политика, постсоветский период, культура, социокультурное пространство, министерство культуры, органы государственной власти.

In the period of 1990 – 2000 – s, cultural policy and value orientations underwent significant metamorphoses. The period of «perestroika» that began back in 1986, which entailed the rejection of the previous way of social and economic life, destroyed the old foundations and was unable to form new value orientations. This article attempts to study the trends in the formation of cultural policy in post – Soviet Russia, with the definition of the main goals and principles of the regional cultural agenda. The relevant legislative acts in the field of culture and their implementation in practice in North Ossetia are analyzed.

Key words: Cultural policy, post – Soviet period, culture, socio-cultural space, Ministry of Culture, public authorities.

Дискуссии вокруг приоритетных ориентиров культурной политики ведутся в каждом государстве вне зависимости от формы правления, политического режима и территориального устройства, сменяются лишь инструменты для претворения государственных планов в жизнь. Культурная политика не вбирает в себя две отдельно взятые категории: это не культура, отделенная от политики. Термин «культур-

ная политика» относится к тому, как культура – включая отношение, мнения, убеждения и перспективы людей, а также СМИ и искусство – воздействует на общество и политическое мнение, в последствии формируя социальные, экономические, правовые процессы.

Проблема государственной культурной политики является востребованной в современных исследовательских проектах. В постсоветской России культурная жизнь характеризовалась вариативностью различных направлений, поиском подходящей в сложившейся реальности системы. С переходом к новому политическому режиму, сменой экономической системы государственная культурная политика развивалась поэтапно. Важно рассмотреть каждый из этапов современной культурной политики и особенности его развития. Учитывая, что Российская Федерация включает в себя на данный момент 85 субъектов, большинство которых – национальные республики, необходимо учитывать специфику региональной культурной политики. В трансформационный период необходимо усиление государственного влияния на культурную политику и в то же время увеличение субъектов культурной деятельности, которые бы имели поддержку на различные формы собственности, что в свою очередь бы забирало у государства монопольного права в культурной политике региона [1, 24].

Реализация региональной культурной политики приобретает релевантность наравне с федеральной политикой. Под воздействием региональной культуры происходит базовая социализация личности, формирование мировоззрения, образа жизни и поведения, что является фундаментом для дальнейшего приобщения к мировой культуре. Необходимо брать во внимание специфику происходящих в регионе социальных, политических, экономических и культурных процессов; учитывать менталитет, в том числе традиционно сложившиеся системно-ценностные ориентиры в регионе. Согласно Указу Президента РФ от 24.12.2014 №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», ориентированность государственной культурной политики РФ – формирование развитой личности, укрепление единства российского общества, социокультурного пространства через смещение акцентов в сторону культурного и гуманитарного воспитания [2]. Достичь необходимого единства возможно лишь в условиях сотрудничества всех субъектов Рос-

сийской Федерации. Взаимодействие и сотрудничество центра и региона в реализации ряда проектов и государственных программ окажут исключительно положительную динамику в формировании духовно-нравственных ориентиров, развитии творческого потенциала граждан страны, следствием чего является укрепление общероссийской идентичности.

Одна из базовых целей государственной культурной политики – расширение участия населения в культурной жизни. Усиление роли государства в данном вопросе занимает определяющую позицию. В законе РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. интерес представляет статья 29, раздела VI об обязанностях государства в области культуры. С целью сохранения, прогресса культуры, в статье установлены соответствующие государственные программы [3]. «Новая власть» искала оптимальную систему развития в области культуры, что заняло не одно десятилетие и прошло трансформацию в несколько этапов. Анализ отдельно взятого этапа позволяет в точности определить и проследить динамику развития культурной политики; утверждение и смещение приоритетных позиций в области культуры, что в свою очередь позволит определить особенности направления региональной культурной политики.

Первый этап – 1991–1999 гг. – характеризуется отказом от какого-либо государственного контроля, отсутствия единой идеологии [4, 18]. С переходом к многообразию мнений появляются полярные точки зрения и позиции о проблематике дальнейшего культурного развития в стране. На передний план выходит стремление переосмыслить историко-культурный опыт страны, поиск новых смыслов, идеалов и ценностей. Несмотря на сложившуюся неопределенность, тем не менее, новая власть уделила внимание и региональной культурной политике. Нормативные документы упомянутого периода учитывали проблематику национальных, региональных культур. В документе «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» 1992 г. статья 20 утверждает право на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности народов страны: «Политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна

наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях» [3].

В данный период государство оказывало минимальное воздействие на социокультурное пространство. По Конституции РФ 1993 г., в государстве признавалось многообразие идеологий [5]. Не только региональная культурная политика, а в целом культурная политика страны зависела напрямую от лиц, занимающих ту или иную должность. Инициатива на местах носила конструктивный характер. В 1992 г. министр культуры РСО-Алания Анатолий Дзантиев стал инициатором проведения Первого международного Конгресса осетин «Возрождение через сотрудничество», цель которого – поиск путей сближения и сотрудничества между народами [6]. Не менее важным мероприятием стало празднование Дня славянской письменности и культуры. Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 30 января 1991 г. №318 – 1 «Об учреждении 24 мая ежегодного празднования Дня славянской письменности и культуры», Министерству культуры и искусства РСО-Алании (Дзантиев) совместно с общественным объединением славян «Русь» (Бессонов) необходимо было провести 22 мая 1998 г. традиционный республиканский праздник славянской письменности и культуры [7].

Процесс демократизации невозможен без внедрения рыночных систем управления, что прямо сказывается на изменении роли культурной сферы в обществе. Господство товарно-денежных отношений привели к трансформации культуры, культурных ценностей в качестве рыночных услуг. Утрачивается функция культуры как инструмента идеологического воспитания. Альтернатива – продажа культурных ресурсов как товары и услуги. Культурное пространство стало местом для достижения экономических целей. В период с 1999 по 2006 г., на втором этапе развития культурной политики в РФ, создаются условия для экономической конкуренции государственного сектора с массовой культурой [4,19].

В условиях стандартного функционирования демократического режима региональная и федеральная политика существуют в симбиозе, с учетом региональных особенностей. В сложившихся же реалиях, в условиях хаоса, отказа от установления новых ценностей хаос затрагивал и «внутреннюю кухню» региональной культурной политики. В Северной Осетии возникает острая проблематика – не-

обходимо было достичь партнерских отношений в сфере культуры между органами государственной власти и частного сектора. Об этом нам говорит цитата из материала, опубликованного в первом специализированном журнале по вопросам культуры в Северной Осетии «Александровский проспект»: «Самые самостоятельно мыслящие «управленцы» в сфере культуры, искусства и образования Осетии уже поняли, что в государственных структурах каши не сварить... Поэтому Алан Черчесов ушел из международного отдела СОГУ и создал свой Институт цивилизации, поэтому Руслан Бзаров ушел из СОНИИ и учредил частный гуманитарный лицей, поэтому Валерий Цагараев ушел из журнала «Дарьял» и создает частную «Школу современного искусства», поэтому Мишель Рено ушел из Дома искусств и выпускает первый в Осетии специализированный журнал по вопросам культуры и искусства» [8, 3].

Подобная ситуация сопровождалась внутренними, локальными противоречиями между властью, частным сектором и обществом. К примеру, в Северной Осетии с распадом Советского Союза закрылись и находились долгое время в нерабочем состоянии учреждения культуры, что являлось деструктивным фактором, ведь огромное количество людей, особенно молодежи, утрачивали связь с элементами национальной культуры. «...Еще у меня есть идея создания музейного центра. Восемь лет не работает наш музей краеведения. Целое поколение детей не знает нашей истории, не видело уникальных экспонатов. А площади, которые отведены под музей, недостаточны и не проскоблены. Экспонаты гибнут, растаскиваются. Когда я пытаюсь исправить ситуацию, меня пытаются обвинить в чем-то недостойном. Это напрочь убивает желание работать», – говорил Анатолий Дзантиев, дважды занимавший пост министра культуры с 1990 по 1994 и с 1998 по 2001 г. [8,14].

Государственная поддержка в области культуры и искусства оказывает благоприятное воздействие на социокультурное пространство страны, отдельно взятых регионов; способствует формированию базовых культурных ценностей, созданию условий для развития личности, национального самосознания и идентичности. Несмотря на сложившиеся описанные противоречия между властью и обществом, Правительство республики уделяло немаловажное внимание укреплению и развитию национальной идентичности,

сохранению исторической памяти средствами сферы искусства, что являлось особенно необходимым в трансформационный период. В целях развития национального музыкального искусства Правительство РСО-Алании постановило о создании в системе Министерства культуры и искусства республики государственного учреждения – Государственного хора осетинской национальной песни. Министру культуры Анатолию Дзантиеву было поручено разработать и утвердить Устав Государственного хора осетинской национальной песни, определить помещение для хора из числа помещений, занимаемых подведомственными учреждениями культуры. В свою очередь, министерству финансов республики было поручено выделить на 1999 г. Министерству культуры и искусства РСО-Алании 280 тыс. рублей из резервного фонда Правительства Республики Северная Осетия – Алания на финансирование хора осетинской национальной песни. Кроме того, была предусмотрена в бюджете на 2000 год дотация на частичное финансирование Государственного хора осетинской национальной песни [9].

Отсутствие единой идеологии, минимальное влияние государства на культурное пространство, преобладающая роль массовой культуры и товарно-денежных отношений – показали свою неэффективность. Побочными действиями данных условий стало появление деструктивных элементов в культурной среде, оказавших влияние на качество проведения культурной деятельности в стране. Доктор филологических наук, председатель правления Российского фонда культуры Д.С. Лихачев провел аналогию культуры 1990-х г. с ручной птицей, которую отпустили на волю из клетки, но не имеющей представления, что делать с обретенной свободой [10,10]. Лишь в период 2006-2015 гг. происходит переоценка системно-ценностной ориентации, анализ предыдущих этапов развития. Можно сказать, что государство осознало цену данной свободы, а главное – начало определяться с главным вопросом о том, куда ее «потратить». Итогом стало осознание национальных приоритетных направлений во всех сферах жизнедеятельности – политической, экономической, социальной и культурной. Катализатором поворота в сторону утверждения национальных интересов стала Мюнхенская речь президента РФ В.В. Путина 2007 года [4, 21]. Культурная политика стала восприниматься в качестве

основного инструмента обеспечения государственной безопасности в стране. Ведущее место в новой иерархии ценностей стала занимать тема, связанная с сохранением традиционных ценностей, национальной самобытности, что напрямую связано с региональной культурной политикой. Директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков подчеркивал важность многообразия культур в Российской Федерации, так как именно в этом уникальная ценность, историческая данность и важный потенциал развития [11].

Достижение самоорганизации культурной жизни путем использования и развития культуры, экономического потенциала, создание художественных ценностей деятелей искусства и вовлечение населения к данным ценностям, – приоритетные цели реализации региональной культурной политики. Не остается без внимания учет специфики региона. Имеющиеся условия невозможно реализовать без активного участия государственного сектора.

Долгое время в области культуры ведущее положение занимала федеральная целевая программа «Культура России», принятая в декабре 2005 г. Правительством РФ на 2006 – 2010 гг. [12]. Сфера культуры, согласно положениям программы, оказалась слабо подготовленной к переходу к рыночной экономической системе, что являлось следствием ее ориентированности на правительственную финансовую поддержку; процесс утраты национальной самобытности, культурного достояния государства, накопленного историческим прошлым, лишь набирал свои обороты. Республика Северная Осетия регулярно принимала участие в данной программе. Отобранные проекты преимущественно касались религиозного характера. По словам председателя Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия республики Людмила Чехоевой, участие в программе одна из единственных возможностей реконструировать объекты религиозно-культурного наследия [13]. Указ о праздновании на федеральном уровне в юбилейный 2022 г. 1100-летия Крещения Алании утвержден президентом РФ Владимиром Путиным 14 октября 2017 г. [14]. Подготовка к празднованию знаменательной даты включает: восстановление, реконструкцию исторически важных объектов, проведение культурно-массовых мероприятий, мероприятий просветительской и издательской деятельности [15].

В 2014 г. Президент России утвердил «Основы государственной культурной политики» [2]. Документ в себя включал принципиально важные и новые положения: во-первых, переосмысливается роль культуры, культурной деятельности в жизни общества, во-вторых, определяются ключевые направления культурной политики страны. Терминология культуры и культурной политики начали включать в себя все социокультурное пространство, разновидности культурносозидательной деятельности от научной сферы до сферы межличностной коммуникации и информационного пространства.

29 февраля 2016 г. Правительство РФ утвердило документ «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» [16], в котором основные акценты сделаны на формирование целей и задач культурной политики, также механизмы и способы достижения поставленных целей. Особенностью стратегии является отказ от рыночного подхода к культуре, господствовавший в период слома эпох; государственный сектор продолжает оказывать основополагающую роль в сфере культуры, однако в то же время утверждается многообразие субъектов культурной деятельности [16].

В соответствии с концепцией стратегии, при реализации государственных культурных программ, органам исполнительной власти субъектов РФ рекомендуется учитывать основные положения документа. Ведущее звено в «Стратегии» занимают меры, касающиеся сохранения традиционного культурного наследия, формирование обновленной модели культурной политики. На следующий год после принятия «Стратегии» Министерством культуры республики был проведен ряд мероприятий. В первую очередь, общероссийские культурно-образовательные акции, благодаря которым граждане страны имели возможность бесплатно посетить культурные учреждения: «Ночь искусств», «Ночь музеев», «Библиночь». Во Владикавказе 5 мая 2001 г. российский дирижер Валерий Гергиев дал два концерта Симфонического оркестра Мариинского театра. Концерты были реализованы в рамках XVI Московского пасхального фестиваля. Особенность данного мероприятия состояла в том, что один из концертов носил благотворительный характер, в зрительном зале находились воспитанники детских музыкальных школ и школ искусств РСО-Алании. Приобщиться к культурному пространству страны в сфере музы-

кального искусства жители республики смогли в рамках XII Международного фестиваля искусств «В гостях у Ларисы Гергиевой», состоявшегося на площадке филиала Мариинского театра с 1 по 20 октября 2017 г. во Владикавказе [13].

Согласно федеральной целевой программе «Культура России на 2012–2018 годы» [17], угрозой национальной безопасности РФ в области культуры признана продукция массовой культуры. Следовательно, в современных реалиях в сфере региональной культурной политики особая роль уделяется увеличению вовлеченности населения в культурное пространство путем развития обширного спектра активных действий в социокультурном пространстве, государственного обеспечения общественно важных проектов, создание принципиально новых, ценностно-ориентированных видов культурных, досуговых активностей.

Сфера культуры должна стать той средой, в которой происходит формирование ценностной картины мира, социализация отдельной личности, развитие национального самосознания. Катализатором данных процессов служат государственные программы, концепции которых направлены на достижение данных показателей. Правительством республики РСО-Алания был принят документ «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2018-2020 гг., в контексте которого был проведен ряд мероприятий, согласно вышеописанным целям. Знаковым мероприятием стал фестиваль «Зори Алании» [18]. Ожидаемым результатом данного мероприятия являлось увеличение численности участников, который успешно был достигнут.

Улучшение качества жизни, уровня образования и ответственности граждан напрямую имеют связь с особенностями проведения культурной политики. Культурная деятельность неразрывно связана с развитием общества и отдельной личности, она представляет собой тот компонент, который может повлиять на формирование общественного мнения. Культурная политика – это глубоко укоренившиеся нормы, ценности и убеждения общества, относительно политической власти и ее легитимности, которая играет важную роль в определении отношения граждан к своей политической системе. Для гармоничного условия развития личности необходимо воспитывать культурные, моральные ценности, создавать условия для творческой реализации личности. Активно принимая участие в культурной поли-

тике, граждане верят, что они могут внести свой вклад в сложившуюся систему и что они находятся под ее влиянием. Основопологающим субъектом в данном вопросе является государство, его регулирование в области культуры. Опыт переходного периода 1990-х гг. можно считать временем переосознания устоявшихся ценностей. Тридцатилетний трансформационный период Российской Федерации показал, что государство нацелено на достижение культурной целостности в стране и развитие личности. Органы государственной власти от полной неопределённости пришли к установлению основополагающих направлений и принципов, в рамках которых желают видеть культурное развитие России и регионов. Северная Осетия – Алания без отрыва от федеральных программ и является важной составляющей социокультурного пространства страны, сохраняя при этом национальную целостность и идентичность.

---

1. Генова Н.М. Основы культурной политики. Учебно-методическое пособие. Омск: ФКиИ ОмГУ, 2011.

2. Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/737b492c61c01d2908bb4f021e36e6fe3aa9f443/

3. Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612 – I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Раздел VI. Обязанности государства в области культуры. [Электронный ресурс]. <https://femida.info/51/ozrfok006.htm>.

4. Загребин С. С. Культурная политика в постсоветской России 1991-2015 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т.15. №4. С. 18-22.

5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

6. Участникам гостям международного конгресса осетин «Возрождение через сотрудничество» 18 сентября 1992 г. [Электрон-

ный ресурс]. https://yeltsin.ru/uploads/upload/2015/03/27/f6_o1_d119_108_absoxrJ.pdf

7. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф.958. Оп.1. Д.821.

8. «Александровский проспект», январь 1999 г., № 4.

9. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф.958. Оп.1. Д.856.

10. Региональная культурная политика: теория и технологии развития: сб. науч.-метод. статей / отв. ред. Г. Г. Волощенко и др. Омск: ОмГУ, 2010. 86 с.

11. Тишков: В «единстве в многообразии» нужно видеть особую ценность. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2012/08/24/tishkov.html>

12. Федеральная целевая программа «Культура России (2006-2010 гг.)» [Электронный ресурс]. <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/527170>

13. Стратегия развития культуры в Северной Осетии <https://vladgazeta.online/strategiya – razvitiya – kulturyi – v – severn/>

14. Указ Президента Российской Федерации от 14.10.2017 № 480 «О праздновании 1100 – летия крещения Алании» [Электронный ресурс]. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710160004>

15. 2022 год – год 1100 – летия крещения Алании [Электронный ресурс]. <http://www.mk.alania.gov.ru/index.php/news/1219>

16. Распоряжению Правительства России от 29 февраля 2016 года «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года». [Электронный ресурс] <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9lxP7f2xm.pdf>

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 марта 2012 года N 186 О федеральной целевой программе «Культура России (2012-2018 годы)». [Электронный ресурс]. <https://docs.cntd.ru/document/902335243>

18. Перечень ведомственных целевых программ, основных мероприятий и мероприятий Государственной программы «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2018-2020 годы. [Электронный ресурс]. <https://pandia.ru/text/82/066/32352.php>

З.Т. Золоева

**ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права
СКГМИ (ГТУ) (г. Владикавказ)**

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Высокие технологии, автоматизация и цифровизация стали частью нашей повседневной жизни, от которой мы теперь сильно зависим. Цифровая трансформация – это системное изменение, а не программа технологической модернизации. Страны выделяют значительные ресурсы, но существует неопределенность в понимании того, что на самом деле означает цифровая трансформация.

Целью статьи является исследование основных направлений государственной политики в области цифровой трансформации.

Для достижения поставленной цели автор осуществляет анализ политико-правовых документов, в которых отражаются основные векторы государственной политики в сфере развития цифровых технологий. Автор отмечает, что в современных условиях, все развитые государства предпринимают меры, направленные на стимулирование развития цифровых технологий, в том числе посредством политико-правовых методов. Автор отмечает, что в настоящее время как за рубежом, так и в Российской Федерации большое распространение получила практика принятия документов, направленных на стимулирование развития конкретных цифровых технологий.

Ключевые слова: *цифровизация, государственная политика в сфере развития цифровизации, цифровая трансформация, информационные технологии, государственная политика.*

High technology, automation and digitalization have become part of our daily lives, on which we are now heavily dependent. Digital transformation is a systemic change, not a technological upgrade program. Countries are committing significant resources, but there is uncertainty about what digital transformation really means.

The purpose of the article is to study the main directions of state policy in the field of digital transformation.

To achieve this goal, the author analyzes political and legal documents that reflect the main vectors of state policy in the field of digital technology development. The author notes that in modern conditions, all developed countries are taking measures aimed at stimulating the development of digital technologies, including through political and legal methods. The author notes that at present, both abroad and in the Russian Federation, the practice of

adopting documents aimed at stimulating the development of specific digital technologies has become widespread.

Key words: digitalization, state policy in the field of digitalization development, digital transformation, information technologies, state policy.

Цифровизация относится к преобразованиям, возникновение которых вызвано массовым внедрением цифровых технологий в различные сферы жизни социума. Распространение цифровых технологий способствует не только модернизации процесса государственного управления, а также традиционных отраслей производства и сферы услуг, но также содействует трансформации различных процедур торговли, закупок, а также опосредующих их финансовых и логистических операций. Все это приводит к тому, что меняется и структура потребления, в которой важное место начинают занимать информационные, в том числе цифровые технологии. Воздействие информационных технологий на экономические процессы способствует созданию новых рынков, новых подходов к аналитике, прогнозированию и принятию управленческих решений, а также изменению условий ведения бизнеса.

Важно отметить, что цифровая трансформация протекает волнообразно в условиях распространения и развития инноваций, движимая технологическим прогрессом. Исследователи выделяют несколько этапов, которые в своем развитии проходил процесс цифровизации. Так, первый этап цифровизации сопровождался внедрением информационных систем управления, направленных на автоматизацию обработки данных, а также телекоммуникационных технологий, такие как широкополосная и голосовая связь, которые позволяют осуществлять удаленный доступ к информации.

Второй этап развития цифровизации сопровождался распространением Интернета и соответствующих ему платформ, которые позволяют взаимодействовать различным субъектам. А третий этап цифровизации связан с развитием больших данных, Интернета вещей, робототехники, искусственного интеллекта. На данном этапе цифровизация призвана улучшить процесс обработки информации и качества принятия решений в процессе дальнейшей автоматизации рутинных задач, как в деятельности юридических лиц, так и в органах публичной власти. И, как правило, эти технологии не вне-

дряются отдельно, а интегрируются с технологиями, характерными для предыдущих этапов [1].

В современных условиях цифровая трансформация все чаще становится центром стратегического мышления и планирования многих государств. В связи с чем в государствах реализуется соответствующая политика. В документах политико-правового характера, как правило, акцент делается на то, как цифровые сервисы и приложения изменяют и трансформируют жизнь граждан и то, как происходит ведение бизнеса, оказание государственных услуг и т.д. Кроме того, как справедливо отмечают Е.А. Попова, З.С. Мартемьямова, современная политика также направлена на формирование условий, в которых станет возможным улучшение качества образования, качества жизни и благосостояния граждан [2].

Цифровая трансформация представляет собой непрерывный процесс внедрения цифровых технологий, которые коренным образом меняют способ разработки, планирования, проектирования и эксплуатации услуг, предоставляемых государственными органами таким образом, чтобы они были персонализированными, безбумажными, безналичными, без личного присутствия.

В современных условиях цифровые услуги имеют решающее значение, поскольку граждане и другие субъекты получают необходимые услуги при помощи электронных сервисов. Цифровая трансформация обладает потенциалом для модернизации как государственных, так и иных услуг, а также для значительного улучшения жизни граждан. Все это способствует тому, что цифровые технологии беспрецедентным образом проникают в экономические, социальные и политические процессы, ускоряя преобразования.

В настоящее время, признавая всеобъемлющий характер и широкое распространение информационных технологий, государства, реализуют государственную политику в этой сфере, которая в свою очередь способствует формированию тенденций развития правовых основ.

Однако цифровая трансформация, в силу своего всеобъемлющего характера, способствовала тому, что разработанные в рамках институциональных структур отраслевые стратегии стали не применимыми к изменившимся общественным отношениям. Политическая задача в этих условиях заключается в том, что государства

должны предпринимать меры, направленные на создание условий, способствующих развитию информационно-коммуникационных, в том числе цифровых технологий, и их внедрению в различные сферы в целях расширения возможностей граждан в получении государственных услуг и облегчения их жизнедеятельности, а также их использования в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

В настоящее время политика государств в исследуемой сфере, отражается в принимаемых документах концептуального и стратегического характера, в которых содержатся ее общие направления и ориентиры. Это, например, Цифровая стратегия Швейцарии, Цифровая стратегия Великобритании, Стратегия построения цифрового правительства США и др.

Основные направления политики Российской Федерации в сфере развития информационных и цифровых технологий также зафиксированы в документе стратегического характера – Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.

Несмотря на то, что в России не был принят специализированный политико-правовой документ, посвященный развитию цифровизации, однако анализ Стратегии развития информационного общества позволяет сделать вывод о том, что национальные интересы, к достижению которых она стремится (развитие человеческого потенциала; обеспечение безопасности граждан и государства и т.д.) [3], соответствуют закрепленным в документах зарубежных странах направленным на развитие цифровых технологий.

Для развития цифровых технологий большое значение имеют реализуемые государственные программы «Информационное общество» и «Цифровая экономика Российской Федерации». Так, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» установила в качестве одного из стратегических направлений развитие цифровизации в важнейших отраслях и формирование необходимых правовых основ. Таким образом, данная программа задает векторы развития правовых основ в исследуемой сфере (в связи с чем, например, были приняты законы: «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; «О едином федеральном

информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» и др.). В целом, правовое обеспечение развития цифровых технологий, цифровой трансформации в нашей стране в настоящее время находится в процессе формирования.

Как отмечают А.В. Малько, О.Л. Солдаткина, в настоящее время процесс цифровизации права имеет два аспекта – разработка «сопровождающего» права, сопровождающееся осмыслением его элементов с точки зрения цифровой эпохи, и автоматизация правовой отрасли, призванная алгоритмизировать юридические процессы [4, 8]. Не вызывает сомнений тот факт, что в скором времени произойдут трансформации, что повлияет и на само право и его природу. «Правовое регулирование и его модели в тех случаях, когда речь идет об информационных системах и информационных и цифровых технологиях, может осуществляться только на основе и с учетом теории и методологии информатики», – справедливо отмечает А.В. Минбалеев [5, 34].

Важно отметить, что как для России, так и для зарубежных стран характерной чертой реализуемой политики является принятие политико-правовых документов, преследующих цель стимулирования развития отдельных цифровых технологий (Национальная стратегия искусственного интеллекта Великобритании, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в России и др.). Кроме того, в современных условиях, сопровождающихся появлением новых вызовов и угроз, связанных, в том числе, с развитием информационных технологий, одним из важнейших направлений государственной политики должна стать защита конфиденциальности информации и обеспечение информационной безопасности.

В этой связи представляется важным подчеркнуть, что данный аспект получил отражение в ст.71 Конституции РФ в п. «м», которой устанавливается отнесение к ведению РФ обеспечения «...безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» [6].

Политика государств в данной сфере сопровождается принятием стратегий в данной сфере, в которых отражаются ее основные векторы. Среди этих документов можно выделить Стратегию кибербезопасности Соединенного Королевства, Национальную

стратегию защиты Швейцарии от киберрисков, Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, Доктрину информационной безопасности Российской Федерации и др. Среди принятых в РФ документов, отражающих направления внешней политики в исследуемой сфере, необходимо также отметить принятые в 2021 г. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности. В процессе исследования было выявлено, что в зарубежных государствах используется термин кибербезопасность, а в РФ – информационная безопасность. По нашему мнению, термин информационная безопасность является более широким в сравнении с термином кибербезопасность [7].

Резюмируя, можно сделать вывод, что государственная политика в сфере развития цифровых технологий в настоящее время носит формирующийся характер. Она складывается в русле общемировых тенденций, и в настоящее время среди ее основных направлений можно выделить стимулирование развития цифровых технологий, а также обеспечение информационной безопасности.

---

1. Матвеева А.А. Социально-экономическое влияние цифровой трансформации на экономику // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018023790> (дата обращения: 20.07.2022).

2. Попова Е. А. Государственная политика в области цифровой трансформации общества / Е. А. Попова, З. С. Мартемьянова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 162–166.

3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

4. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–19.

5. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 31–36.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет – портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

7. Золоева, З. Т. Влияние государственной политики на правовое обеспечение в сфере развития цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4(208). С. 230–233.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

22 июня 2022 года в СОИГСИ началась трехдневная XVI Международная школа-конференция молодых учёных «Современные проблемы гуманитарной науки».

Школа-конференция молодых ученых основана СОИГСИ им. В.И. Абаева в 2006 году с целью содействия научному творчеству и коммуникации молодых ученых Северного Кавказа, освоения ими современной методологии гуманитарных исследований, интеграции фундаментальной науки и высшего образования. Участники школы-конференции – молодые ученые – специалисты в области истории, этнологии, культурологии, археологии, языкознания, фольклористики, литературоведения, социологии и других гуманитарных дисциплин, студенты и аспиранты.

Программа школы-конференции включает лекции и мастер-классы ведущих ученых-гуманитариев, сессионные заседания по направлениям: «Этнология», «История и археология», «Фольклор и мифология», «Языкознание», «Социология и политология», выставки и посещение объектов историко-культурного наследия Республики Северная Осетия – Алания.

Пятый год школа-конференция проводится при финансовой поддержке Правительства Республики Северная Осетия – Алания в рамках Государственной программы «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2021-2025 годы», курируемой Министерством РСО-Алания по национальной политике и внешним связям.

В этом году в адрес Оргкомитета конференции поступило 90 заявок от молодых исследователей из научных центров и университетов республик Северного Кавказа и других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. В приветственной речи директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор Залина Владимировна Канукова отметила: «Тот факт, что наш форум в шестнадцатый раз собирает столь внушительную аудиторию, позволяет нам говорить о его эффективности в достижении нашей главной цели – поддержке молодых ученых и подготовке профессиональных кадров. Мы не без гордости отмечаем, что несколько «вчераших» юных участников школы-конференции сегодня являются состоявшимися учеными. Сегодня со стороны государства мы видим беспрецедентные меры поддержки молодых ученых в виде различных грантов, программ, конкурсов, премий. И наша задача активизироваться в этом направлении, привлекая тех, кто может и хочет работать.

С 2020 года в рамках реализации Приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и Министерства науки

и высшего образования Российской Федерации «Об утверждении Комплекса мер по содействию трудоустройству граждан, завершивших обучение по основным образовательным программам высшего образования в 2020 году, в том числе в образовательные организации высшего образования и научные организации» мы получаем финансирование на трудоустройство выпускников. И нам важно не ошибиться с выбором – на эти места должны прийти лучшие. Наша зона ответственности сегодня чрезвычайно широка: укрепление духовно-нравственных ценностей, патриотизма, противодействие фальсификации истории. Мы видим решительные государственные меры: восстановление некогда ликвидированных исторических кафедр и факультетов, дополнительное финансирование исторических и других гуманитарных факультетов в целях увеличения бюджетных мест. От нас требуется лишь слаженная и эффективная работа. Мы благодарим Министерство Республики Северная Осетия – Алания по национальной политике и внешним связям за финансовую поддержку наших проектов в рамках Государственной программы «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2021-2025 годы». Благодаря этой поддержке мы не только расширили возможности нашей школы-конференции, но и реализовали целый ряд других значимых проектов: издан сборник «Алания от А до Я», готовится к изданию «Фразеологический словарь» в трех томах. Хочется также поблагодарить постоянных участников нашего форума, наших коллег и друзей из Кабардино-Балкарского и Чеченского государственных университетов в лице доктора исторических наук, профессора Петра Абрамовича Кузьмина и доцента Бирлант Борз – Алиевны Абдулвахабовой. По традиции с нами сегодня представительная делегация из Южной Осетии. По видео-конференц-связи к нам присоединится наша коллега из Ирана, доцент кафедры русского языка Университета им. Алламе Табатабаи Марьям Шафаги. Также в нашем форуме впервые участвуют студенты Российского государственного гуманитарного университета, которые в эти дни проходят этнографическую практику в СОИГСИ под руководством Михаила Игоревича Драмбяна и Андрея Марковича Маурера».

Со словами приветствия к участникам форума обратились также декан исторического факультета СОГУ им. К.Л. Хетагурова, кандидат исторических наук З.Т. Плиева, декан факультета осетинской филологии СОГУ им. К.Л. Хетагурова Э.Т. Гутиева, научный сотрудник Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ М.И. Драм-

бян, профессор КБГУ им. Х.М. Бербекова П.А. Кузьминов, доцент ЧГУ им. А.А. Кадырова Б.Б. – А. Абдулвахабова.

Пленарное заседание XVI Международной школы-конференции молодых учёных «Современные проблемы гуманитарной науки» продолжили мастер-классы:

- «Метод обобщающего фотопортрета: естественнонаучный и гуманитарный аспект» – Маурер Андрей Маркович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

- «Типичные ошибки при описании объектов нематериального культурного наследия» – Добровольская Варвара Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского искусствознания Института славянской культуры Российского Государственного университета им. А.Н. Косыгина (г. Москва);

- «Трансформация традиционной культуры на примере работы в Объединенной Республике Танзания» – Драмбян Михаил Игоревич, старший преподаватель Учебного научного центра социальной антропологии РГГУ (г. Москва)

- «О научном сотрудничестве Ирана и Кавказа» – Шафаги Марьям, доцент кафедры русского языка университета им. Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран), Сокаева Д.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В.И. Абаева.

Далее участники форума переместились в Национальный музей РСО-Алания, где для них провел экскурсию и мастер-класс «Археологические коллекции в современной музейной экспозиции» Аслан Аркадьевич Цуциев, кандидат исторических наук, директор Национального музея РСО-Алания.

Программу первого дня форума продолжили сессионные заседания, по завершении которых участникам была проведена экскурсия по исторической части г. Владикавказа.

23 июня Международная школа-конференция продолжила свою работу в рамках сессионных заседаний по направлениям: История. Историография. Археология; Этнология. Этнография. Антропология; Языкознание; Фольклор. Литература; Политология. Социология.

Участники школы-конференции посетили Научную библиотеку СОИГСИ – старейшую на Северном Кавказе, где для них была организована выставка научных трудов по кавказоведению, а в Научном архиве СОИГСИ состоялся мастер-класс «О научном архиве СОИГСИ» заведующей отделом архива, кандидата филологических наук Раисы Николаевны Абисаловой.

В завершение насыщенного второго дня XVI Международной школы-конференции молодых учёных «Современные проблемы гуманитарной науки» для участников была организована экскурсия на военно-исторический мемориальный комплекс «Барбашово поле».

В третий день XVI Международной школы-конференции молодых учёных «Современные проблемы гуманитарной науки» участники посетили средневековое алано-осетинское поселение Цымыти и наскальную крепость «Дзывгисы дзуар» в Куртатинском ущелье Северной Осетии. В окружении объектов историко-культурного наследия осетинского народа участники послушали лекцию «Архитектурно-строительные комплексы Куртатинского ущелья в эпоху средневековья» Батраза Таймуразовича Цогоева, заведующего на-

учно-реставрационным отделом Национального музея Республики Осетия – Алания.

24 июня также состоялось подведение итогов XVI Международной школы-конференции молодых учёных «Современные проблемы гуманитарной науки».

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 30, 2022

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 15.06.2022.
Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 80 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 10,5. Тираж 100 экз. Заказ 136

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru